

Р 75
Л 74

ЗКМ

Л-74

МЕРВЕЕ ИСТИНЫ

ВЛАДИМИР ЛОМЕЙКО

ВЛАДИМИР
ЛОМЕЙКО

ЛЕВЕЕ ИСТИНЫ

РЕЦИДИВ
ДЕТСКОЙ
БОЛЕЗНИ
«ЛЕВАЧЕСТВА»
В СТУДЕНЧЕСКОМ
ДВИЖЕНИИ
ЗАПАДА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЦК ВЛКСМ
«МОЛОДАЯ
ГВАРДИЯ»
1970

БИБЛИОТЕЧКА «МОЛОДЕЖЬ, РЕВОЛЮЦИЯ, ПРОГРЕСС.»

В библиотечку войдут книги:

В. Ломейко, **Левее истины;**

Борис Баннов, **Мятеж возмущенного разума.**
(Студенчество Запада против империализма);

Сборник «Молодежь: идеология и политика»;

**Сборник «Молодежь 60-х: Франция, Испания,
Италия, Англия, Греция, ФРГ, США»;**

Петр Решетов, **Неприкаянные!..**

А. Брычков, **Молодая Америка.**

«В революционный процесс вливаются новые группы молодежи. Она остро реагирует на приниженность и бесперспективность своего социального положения, все активнее поднимается на борьбу против капиталистического строя. Коммунисты высоко ценят подъем молодежного, в том числе и студенческого, движения, видят в нем один из важных факторов общей антимонополистической борьбы. Они активно участвуют в этом движении, распространяют среди молодежи идеи научного коммунизма, помогают ей высвободиться из-под влияния правых и левацких идей, настойчиво разъясняют бесперспективность выступлений в отрыве от общего потока революционной борьбы рабочего класса».

*(Из Тезисов ЦК КПСС
«К 100-летию со дня рождения
Владимира Ильича Ленина»)*

«Коммунисты высоко ценят подъем молодежного движения и активно в нем участвуют. Они распространяют в его рядах идеи научного социализма, разъясняют опасность разного рода псевдореволюционных идей, которые могут повлиять на молодежь, стремятся помочь ей найти правильный путь в борьбе против империализма, в защиту его интересов. Только тесная связь с рабочим движением и его коммунистическим авангардом может открыть перед молодежью действительно революционную перспективу».

*(Из Основного документа
международного Совещания
коммунистических и рабочих партий
1969 года)*

Молодежь и общество

Молодежь является органической составной частью общества. Но точно так же, как общество состоит из классов, молодежь является представительницей своих классов. Это ленинское положение лежит в основе понимания проблем молодежного движения и позволяет вскрыть существо процессов, происходящих в обществе и накладывающих свой отпечаток на интересы и поведение молодежи.

Во все времена для каждого общества проблема молодежи имела и имеет жизненно важное значение. Естественная смена поколений не является просто биологическим фактором. Она происходит в определенных рамках конкретных производственных отношений и испытывает на себе влияние соответствующих социально-экономических, политических и идеологических факторов.

Заинтересованное в преемственности исторического развития общество стремится обеспечить себе поддержку нового поколения. Именно в этом заключается классовое существо «проблемы молодежи», которое всячески стремятся затушевать буржуазные философы, социологи и идеологи.

Многие теоретики в капиталистических странах при объяснении процессов, происходящих в среде молодежи, выдвигают на первый план физиологические или психологические факторы. Другие же говорят о конфликте молодежи с технически высокоразвитым обществом, третьи главный упор делают на отрицательное отношение молодежи к политике и идеологии. Но при всей разноречивости этих «идейных» школ и школок прослеживается их общий подход к «проблеме молодежи»: стремление замолчать, извратить, отвергнуть классовые различия в молодежной среде, классовый характер всех явлений в молодежном движении капиталистических стран. Отнюдь не отвергая определенного воздействия на формирование молодого поколения каждого из существующих факторов — биологического, политического, идеологического, — марксизм-ленинизм считает определяющим моментом характер производственных отно-

шений. Молодой человек является членом своего общества, занимает в нем определенное социальное положение и выступает участником существующих производственных отношений. Именно это обстоятельство, определяющее его социальную функцию, является решающим в формировании его поведения, интересов и взглядов. И если молодой человек выступает в роли наемного рабочего, то в силу объективных закономерностей его интересы противостоят интересам работодателя, даже если последний его ровесник.

Буржуазная пропаганда отрицает классовый подход к проблеме и проповедует нивелировку в мировоззрении всей молодежи именно потому, что она знает о неумолимом противоречии между интересами подавляющего большинства молодежи и эксплуататорским характером буржуазного государства. Именно поэтому западные социологи рекламируют понятие «юношеской субкультуры», под которой подразумеваются особый стиль жизни, специфическая манера поведения, этические вкусы и т. д. Но ведь на культуру молодежи накладывают свой отпечаток классовые различия! Какая же может быть единая «юношеская субкультура»? Ее вовсе не существует в природе точно так же, как нет и «единой молодежи» в классовом обществе.

Марксистско-ленинская наука отрицает возведение в абсолют возрастных, психологических особенностей молодежи, как это делает буржуазная социология. Но в то же время она не отвергает наличия специфических черт в характере и поведении молодых людей, оказывающих влияние на их социально-политическую роль в обществе. О значении этих качеств молодежи следует сказать особо.

Во все века молодежи было свойственно стремление к идеальному. Она всегда ищет пути к осуществлению в жизни идеалов добра и справедливости. В силу возрастных особенностей человеку в молодости хочется отдать себя служению благородным целям человечества, но так, чтобы при этом в полной мере раскрыть свои способности, все свое духовное и физическое богатство.

Человеческая личность раскрывается тем полнее и ярче, чем больше этому способствуют социальные отношения, которые его окружают. Иными словами, чем ближе жизненные планы, идеалы отдельного человека к планам и идеалам всего общества, тем полнее и гармоничнее развитие его как личности, тем большую удовлетворенность испытывает он в своей работе и жизни, тем большую пользу приносит он другим людям и всему обществу в целом.

Подлинное решение этой проблемы обеспечивает только социалистический строй. Чем это объясняется? Да тем, что только при социализме исчезает антагонизм между общественным и личным, потому что социалистические, коммунистические идеалы более, чем

какие-либо другие, отвечают стремлениям юношества к социальной справедливости. При социализме человек имеет реальную возможность в полной мере раскрыть себя как личность, принося тем самым глубокую внутреннюю удовлетворенность самому себе и пользу всему обществу. Чем больше человек дает людям, обществу, тем больше он выигрывает сам и тем богаче он становится как личность.

Когда мы говорим, что будущее за социализмом, который неизбежно сменит исторически отживший капиталистический строй, то среди прочих причин и закономерностей мы называем и такую: социализм в неизмеримо большей степени, чем капитализм, отвечает интересам молодежи.

Эту истину доказывает опыт социалистического строительства в нашей стране и в других социалистических странах. Эту истину подтверждает также опыт развития современного капитализма, в мире которого нарастает социальный протест широких масс молодежи.

Когда мы говорим, что именно социализм позволяет молодежи полнее и всестороннее развить свои способности, осуществить свои жизненные планы, мы исходим из практики, критерия любой истины.

Социализм завоевал на свою сторону молодежь тем, что он освободил ее от эксплуатации и безработицы, от дискриминации по возрастному признаку и предоставил ей право на равный труд при равной оплате.

Социализм завоевал на свою сторону молодежь тем, что объявил войну неграмотности и обеспечил всем равное право на бесплатное образование.

Социализм завоевал доверие и поддержку молодежи тем, что предоставил ей большие социальные и политические права, в том числе право быть хозяином своей судьбы и своего общества.

В процессе строительства социализма и коммунизма решаются не только важные экономические проблемы, но и чрезвычайно сложная, подлинно гуманистическая задача воспитания нового человека, который является не только тружеником-творцом, но и хозяином нового общества. Принципиальное отличие нового, коммунистического общества от старого, капиталистического заключается не в последнюю очередь в том, что уровень его духовного развития определяется не достижениями «элиты», а разносторонностью и богатством внутреннего мира каждого члена общества.

Непосредственно с этим связана проблема политической активности молодежи и преемственности традиций поколений. Если капитализм заинтересован прежде всего в послушании, а следовательно, в общественной инертности трудящихся масс, то социализм, напротив, всеми мерами развивает политическую активность молодых

граждан, предоставляет им право участия в государственной и общественной жизни страны.

Сам характер социалистического строя, лишенного антагонистических противоречий, обеспечивает жизненно важную для общества преемственность поколений. При социализме нет и не может быть основы для «конфликта отцов и детей», который существует при капитализме как социальная проблема. Известно, что буржуазная пропаганда проповедует тезис о всеобщности антагонизма между поколениями, стремясь подменить классовый характер протеста молодежи против капиталистического строя биологической извечностью возрастных противоречий. Тем самым наши противники стремятся решить одновременно две задачи: во-первых, затушевать объективную закономерность социального протеста молодежи против империализма и, во-вторых, навязать теорию об «идеологическом конфликте» в социалистических странах между старшим поколением и молодежью.

Что касается последнего, то вся практика социалистического строительства в Советском Союзе и в других социалистических странах доказывает несостоятельность теории «конфликта поколений». Она построена на зыбучем песке надуманных иллюзий, сознательных извращений природы социалистического строя. Более чем полувековая история нашей страны свидетельствует о необыкновенно высокой политической активности молодежи, о ее верности традициям отцов, их идеалам. Как и в годы гражданской войны и первых пятилеток, так и во время Великой Отечественной войны и послевоенного строительства наша молодежь показывала пример героизма в бою и труде, проявляла высокий патриотизм и чувство гражданского долга, всегда была в первых рядах защитников и строителей коммунистического общества. Вся история нашей страны говорит о неразрывном морально-политическом единстве всех поколений советских людей, которые отдают свои знания, силы и убежденность строительству нового общества.

Совершенно иная картина в капиталистическом обществе, которое постоянно сталкивается с проблемой бунтующей молодежи. Причем причины этого бунта заключаются не в возрасте его участников (а буржуазная пропаганда именно на это делает свой упор!), а в классовых противоречиях самого общества (что всячески замалчивается западной пропагандой).

Неизбежность молодежного бунта в капиталистическом обществе порождается не проблемой поколений, а неизбежностью социальных противоречий, рождаемых эксплуататорской сутью этого общества. Капитализм не смог решить коренных проблем труда, образования и социальных прав молодежи за всю историю своего существования. Он не смог их решить не в силу незнания или не-

понимания жизненной важности этих вопросов для молодежи. Он не смог их решить по той причине, что это невозможно без изменения производственных отношений, а следовательно, и без изменения классовой природы самого общества. Буржуазное общество не смогло решить проблем молодежи, и поэтому оно враждебно ей.

Дальнейшее развитие прогресса, научно-технической революции объективно ведет к усилению общественной активности молодежи. В капиталистическом обществе это неизбежно порождает растущее противоречие между намерением правящих классов подчинить молодежь, заставить ее послушно выполнять предназначенные ей функции и стремлением значительной части молодежи изменить несправедливый, антигуманный характер социальных отношений. Так рождается протест молодого поколения против старого мира, против старого порядка вещей, установленного капиталом. Все новые и новые слои молодежи включаются в борьбу, которая объективно носит антикапиталистическую направленность. В этой неизбежности молодежного бунта и в его антикапиталистическом характере — одна из закономерностей развития нашей эпохи.

Буржуазия развращает молодежь, потому что она боится ее. Молодежь протестует против буржуазных порядков, потому что они враждебны ей. Этот протест носит социальный характер и таит в себе угрозу самим основам капиталистического общества. Более всего буржуазию страшит союз демократической молодежи с революционным пролетариатом, и она всеми силами пытается внести раскол в общий антиимпериалистический фронт. Вот почему она искусно разжигает все формы антикоммунизма, правого оппортунизма и «левого» экстремизма. Вот почему она искусно разжигает авангардистские тенденции среди части молодежи, в первую очередь студенческой. Именно это имел в виду первый секретарь ЦК ВЛКСМ товарищ Е. М. Тяжельников, который подчеркнул в отчетном докладе на XVI съезде комсомола (май 1970 г.): «Стремясь воспрепятствовать консолидации революционного движения молодежи, империалистические круги делают ставку на антикоммунизм, активно используют различного рода левацкие группировки маоистов, троцкистов, стремясь с их помощью изнутри «размыть» коммунистические и демократические организации молодежи.

Борьба против буржуазной идеологии, против правого и «левого» оппортунизма — это борьба за умы и сердца современной молодежи. И в этой борьбе единственно надежное, единственно верное оружие — великое учение Маркса — Энгельса — Ленина.

Молодежи свойственны нетерпение и нетерпимость.

Первое есть следствие кипучей энергии молодого организма, жаждущего активной деятельности. Второе — результат недостаточного жизненного опыта и юношеского максимализма. Эти качества,

вполне естественные сами по себе, определяют динамизм молодежи, ее тягу к прогрессу и отвращение к конформизму и пассивности. Но в них же коренятся и зародыши ошибочных представлений и действий, которые могут усугубляться стечением обстоятельств и волею сознательно действующих идеологов и политиков.

Последнее обстоятельство находит яркое проявление в современном демократическом молодежном и студенческом движении на Западе, которое переживает в последние годы необычайный подъем. Растущая политическая активность молодежи, особенно студенчества, в капиталистических странах дала повод буржуазным теоретикам говорить о «бунте молодежи», о «студенческой революции». В связи с этим во многих странах Западе получили небывалое распространение многочисленные старые и новые теории об особой роли молодежи и студенчества; теории, которые льстят самолюбию молодых для того, чтобы сбить их с верного пути и столкнуть их в междоусобной борьбе с рабочим классом и его боевым авангардом — коммунистическими партиями. Среди многочисленных идеологических течений, которые имеют место среди студенческого движения, одним из самых распространенных является «гошизм», или «левачество» в самых разнообразных формах его проявления. Именно потому, что леваческие настроения нашли широкое распространение среди многих студенческих организаций и в оценке их существует немало неясностей и противоречий, представляется крайне важным разобраться в их происхождении и существе.

При этом следует иметь в виду, что данная работа не претендует на всеобщий анализ студенческого движения на капиталистическом Западе и характеристику его идеологических течений. Речь здесь идет лишь о критическом разборе «левачества», которым заражена определенная часть студенчества в странах Западной Европы. Причем следует особо отметить, что критика левацких теорий отнюдь не означает огульной критики «новых левых» в молодежном и студенческом движении капиталистических стран. «Новые левые» представляют собой довольно широкое демократическое движение, охватывающее самые различные политические направления. При всех своих известных недостатках это движение в целом отличается антикапиталистической направленностью и представляет собой часть общедемократического движения миролюбивых прогрессивных сил в капиталистическом мире.

Что же касается «левачества», то это идеология наиболее экстремистских, ультралевых элементов в левооппозиционном студенческом движении Западе.

«Левачество» — это накипь мелкобуржуазного революционаризма, которая поднялась на поверхность во время студенческого

бунта. «Левачество» — это авангардистский хмель, вскруживший молодые горячие головы политически неопытной молодежи.

Критикуя левачские загибы в теории и практике, мы делаем различие между основной невольно заблуждающейся студенческой массой, подверженной леваческому искушению, и теми идеологами, кто сознательно насаждает «левачество» как особую разновидность мелкобуржуазной идеологии.

Критикуя «левачество» как идеологию, мы исходим из того, что между буржуазной и социалистической идеологией не может быть третьего пути. Выступая 26 мая 1970 года на XVI съезде ВЛКСМ, тов. Л. И. Брежнев подчеркнул:

«Наша молодежь должна уметь вести наступательную борьбу против буржуазной идеологии. Каждый комсомолец — это активный боец идеологического фронта, непримиримый ко всем формам буржуазного влияния. В борьбе между буржуазными и социалистическими идеями нет места нейтрализму и компромиссам. Для нас священен ленинский завет, что не может быть уступок в теории, в программе, в знамени».

Молодежь в наше время стала одним из основных объектов сражения во всемирной войне идей, которая идет между двумя социальными системами. Буржуазия не только проповедует открытый антикоммунизм, но и поощряет все идеологические течения, которые могут нанести вред общедемократическим движениям в мире, ослабить общий антиимпериалистический фронт. При этом явные и тайные «теоретики» антикоммунизма рассчитывают на особые возрастные особенности молодежи, на ее политическую и жизненную неопытность. Чтобы основательно разобраться в причинах молодежного бунта в капиталистическом обществе и в сопутствующей ему вспышке леваческих настроений, следует подробно рассмотреть вопрос об особенностях молодежного движения. Специфика молодежных проблем заключается в том, что молодежь, с одной стороны, является органической составной частью общества, представительницей своих классов, а с другой стороны, имеет свои возрастные особенности.

Возрастные особенности молодежи

С годами у каждого человека происходят необратимые физиологические и психологические изменения, которые накладывают на него своеобразный возрастной отпечаток. Помимо этого, существ-

вует еще и социальное измерение, показывающее место соответствующей возрастной группы в обществе.

Понятие молодежи довольно относительно (поскольку трудно провести четкую границу между подростком и юношей и между юношей и взрослым). Наиболее распространенное толкование данной категории охватывает возраст от 17 до 25 лет. В дальнейшем под молодежью мы будем понимать именно этот возраст с небольшими отклонениями (в 2—3 года) в обе стороны (то есть от 14—17 до 25—28 лет).

В нашем быстро развивающемся и меняющемся мире происходят важные биологические и социально-психологические сдвиги в формировании молодых людей. Более быстрый темп современной жизни, особенно в городе, ускоряет развитие нервной системы и стимулирует сексуальное развитие. По свидетельству медицины и статистики, нынешний век принес с собой не только более раннее (на 2—3 года по сравнению с прошлым веком) половое созревание, но и гораздо большую свободу в половых взаимоотношениях. Причем последний фактор, получивший на Западе название «сексуальной революции» со всеми сопутствующими ей явлениями (раннее сексуальное воспитание, ранняя половая жизнь, эмансипация женщины, массовое внедрение противозачаточных средств, влияние индустрии развлечений и т. д.), повлек за собой серьезные изменения в области моральных и социально-политических взглядов молодежи. Важнейшими из них следует считать появление более раннего и более сильного призыва к самостоятельности, независимости и активности.

В то же время здесь заключено и противоречие, ибо социальная зрелость и полная личная самостоятельность наступают в наш век несколько позже (в результате запрещения детского труда, роста общего уровня благосостояния и более длительного процесса обучения и получения образования).

В связи с ускорением темпов общественно-экономического развития возрастает разница между поколениями (вкусы, моды, обычаи, ценностные ориентации видоизменяются быстрее и резче). Отсюда более остро встает проблема отцов и детей.

Молодежь сейчас пользуется гораздо большей автономией от старших, чем в прошлом, и ее возрастные особенности проявляются раньше, резче, а подчас и более болезненно, чем у ее родителей. Большая самостоятельность у молодежи проявляется, в частности, и в стремлении возможно раньше выйти из-под родительской опеки, и в падении родительского, особенно отцовского, авторитета. Именно об этом свидетельствуют социологические исследования последних лет.

Если говорить о других социально-психологических факторах,

связанных с «сексуальной революцией» и современным темпом общественного развития, то следует подчеркнуть уже отмечавшееся увеличение разрыва между социальным и половым созреванием. Увеличение периода юношеской сексуальной активности, когда нет материальной и юридической возможности вступить в брак, вызывает в юношеской психике внутреннюю напряженность. Нас это интересует в данном случае с той точки зрения, что этот фактор накладывает значительный отпечаток на поведение молодежи и тоже должен быть принят во внимание.

Переход от отрочества к ранней юности, сопряженный с быстрым физическим ростом и началом полового созревания, связан с повышенной возбудимостью и раздражительностью молодого человека. В этот же период происходит пересмотр многих ценностных ориентаций молодежи, которая начинает строить свои взаимоотношения по «системе взрослых». Познание внешнего мира сопряжено, как правило, с конфликтами, так как собственные ожидания молодых людей не всегда совпадают с действительностью.

Молодежи свойственны романтизм и стремление к идеалам. Отсюда интерес ко всему необычному, яркому, героическому, идеализация любимых героев, стремление к самоотверженности, неприимости к любой несправедливости и злу. Максимализм молодежи, проявляющийся в завышенности оценок и бескомпромиссности, часто вступает в конфликт с окружающей действительностью. Обнаружив несоответствие идеала и действительности, молодой человек часто впадает в негативизм, отрицание всего окружающего. Этому способствует также недостаток жизненного опыта и политическая неискушенность.

В молодости эмоциональное начало гораздо чаще доминирует над рациональным. Этот фактор тоже в немалой степени способствует разладу с действительностью, ибо наш мир становится все более рациональным. Мощное развитие научно-технической революции требует от человека возрастающей концентрации умственных, физических и психических усилий. Чтобы идти в ногу со временем, каждый должен работать еще интенсивнее. Поток информации растет в геометрической прогрессии. Доля непосредственного опыта в жизни человека уменьшается. По сравнению с ним значительно возрастает удельный вес и значение информативного опыта. Таким образом, увеличивается разрыв между чувственным и рациональным восприятием мира.

Юноша, вступающий в жизнь взрослых, часто болезненно переживает свой выход из мира детства и отрочества, где все было близко, знакомо и понятно (дом, семья, товарищи по играм). Мир взрослых, огромный и непонятный, притягивает его своими разноцветными огнями и таинственным шумом, как большой город манит сель-

ского жителя из глухомани. Но, попав в этот мир, он чувствует себя растерянным. Привычные понятия и связи исчезают. Кажется, что все движется по дьявольски сложным законам, недоступным его восприятию. Чтобы понять этот гигантский город, его надо не только почувствовать, но и осмыслить.

Мир детства (природа, семья) близок чувственным началам человека. Он понятен и приятен ему. Мир взрослых требует более рационального подхода. Но на пороге юности человек еще не привык в нужной мере к рациональному восприятию. Он пока еще во многом живет личными ощущениями. И эти ощущения наталкиваются на непонятные ему процессы производства и общественной жизни. Это подавляюще действует на его психику и волю, вызывает растерянность. Он чувствует себя песчинкой, затерянной в пустыне, каплей, растворенной в безбрежном океане. Эта растерянность у одних ведет к полному подчинению непостижимым социально-экономическим процессам (отсюда рождаются инертные, равнодушные, пассивные). У других нарастает протест. Не желая примириться с довлеющей на них действительностью, не желая быть неприметными винтиками, они бунтуют, стремясь любым способом проявить свою индивидуальность. Создаются клики отверженных, где свой мир, свой жаргон, своя мода. В этих специфических юношеских группах вырабатывается групповое самосознание. Это, кстати, относится не только к группам молодых рабочих и учащихся, но и студенческим группировкам. Через некоторое время мы узнаем, как Кон-Бендит, один из левацких лидеров «мятежных студентов» Нантера, заявил в интервью: «Любой группировке присуще отклонять все, что не исходит от нее самой».

Процесс созревания взрослости связан с тягой к самоутверждению, которая часто принимает агрессивные формы. В этот период молодой человек еще не ощущает себя активным участником производственных отношений. Он еще не научился работать и жить, он еще не ощущает социальной ответственности, сознание которой делает человека взрослым. В этот период его социальная активность часто принимает форму социальной критики. Войдя в мир взрослых, в общество, членом которого он уже является, но еще себя таковым не ощущает, он зачастую с настороженностью относится к нему, обращая внимание прежде всего на его недостатки, на ту действительность, которая не соответствует его идеалам.

Дальнейшее формирование общественного самосознания молодого поколения сопровождается, как правило, взрывом его политической активности. Ощущение своей жизненной самостоятельности и общественной значимости у политически активной части молодежи ведет к усиленному поиску своего собственного мировосприятия, своего собственного понимания смысла жизни. При этом со-

зеркальное отношение к действительности почти сплошь сменяется крайне деятельным, иногда бунтарским поведением. Молодежи (здесь имеется в виду не вообще вся молодежь, а лишь ее политически активная часть) не терпится **самой немедленно** определить линию поведения, свою собственную и своих соратников, и начать действовать, чтобы как можно скорее изменить или переделать обстоятельства ей антипатичные. При этом она, естественно, враждебно или, по крайней мере, настороженно относится ко всем, кто не только ей противостоит, но и кто ее не поддерживает. Она нетерпимо реагирует на любые взгляды или действия тех, кто с ней не согласен и стремится любыми способами утвердить свою точку зрения. С этим же связано и так называемое ниспровержение авторитетов, то есть отрицательная реакция молодежи на любые попытки навязать ей чьи бы то ни было мнения. Она сама ищет своих собственных кумиров. Ей импонируют при этом часто личности оригинальные, самобытные, особенно те, которым присуща близкая ей самой категоричность суждений. Молодежь любит крепкое слово. Отсюда ее увлеченность красивой фразой, дерзким лозунгом, невзирая на их малопонятный, а иногда и противоречивый смысл. Все это, естественно, открывает широкие возможности для злоупотребления экзальтированностью молодой натуры. Политически неживая, жизненно неопытная молодежь может легко стать жертвой демагогов и политиков-совратителей.

Социальная активность молодежи

Общественно-политические взгляды молодежи, ее место и роль в обществе и его процессах зависят не столько от возрастных особенностей, сколько от социально-экономических и политико-идеологических факторов. Подробно об этом будет сказано ниже. Сейчас же нас в первую очередь интересуют общие закономерности в развитии современного капитализма, влияющие на молодежь и объясняющие причины растущего движения молодежи, особенно студенчества, в капиталистических странах.

Сегодняшняя молодежь, входящая в мир современного капитализма, сталкивается, с одной стороны, с высоким техническим прогрессом и усиливающимся процессом обезличивания человека и его отчуждения, а с другой стороны, — с углубляющимися противоречиями капиталистической системы производства, в первую очередь между трудом и капиталом, между общественным характером труда и частной формой присвоения его результатов.

Помимо этого, молодежь становится не только свидетелем, но и непосредственным участником внутривнутриполитического и идеологического кризиса послевоенного капиталистического общества. Уже первое соприкосновение с реальной жизнью вызывает у многих крушение иллюзий о гармоничном и бесконфликтном развитии окружающего мира. Суровая классовая действительность разрушает привитые капиталистическими институтами образования и просвещения представления о всеобщей справедливости, благоденствии и добре, о демократии, равенстве и братстве. «Общество довольства» и самодовольства обнаруживает резкую пропасть между богатыми и бедными, между полноправными и бесправными гражданами, между всеобщим культом денег и отсутствием высоких облагораживающих идей на благо всего человечества и всеобщего прогресса.

Происходит крушение ценностных ориентаций молодежи в области социальной. Процесс этот носит тем более болезненный характер, если учесть гигантское ускорение общественного развития в наше время, усложнение социальных процессов.

Сюда же относится и интенсивное ускорение разделения труда, ведущее к резкой дифференциации функций отдельных групп населения.

Динамика развития современного общества ставит вопрос о резком возрастании роли и значения жизненных планов и установок в общей системе социальной ориентации человека. Иными словами, человек XX века гораздо сильнее, чем в прошлые эпохи, ощущает зависимость своей индивидуальной судьбы от судьбы всего общества.

Особенно остро эту взаимосвязь ощущает молодежь. Она глубже и непосредственнее реагирует не только на личные обстоятельства, но и на события в обществе и во всем мире. Современная политическая жизнь также способствует возникновению у молодежи сознания объективной социальной зависимости ее личной судьбы от развития всего общества.

Личные проблемы все отчетливее выступают как социально-политические проблемы, которые могут быть решены лишь в рамках широкого общественного движения. Так, все большее число молодых людей рассматривает свои трудности с трудоустройством или получением необходимого образования не как личную неустroенность, а как недостатки всего общества и его отдельных институтов. С этим явлением непосредственно связан процесс растущей политической активности и классового самосознания молодежи.

Все большие массы молодежи на Западе на собственном опыте убеждаются, что они могут решить свои личные и общесоциальные проблемы лишь на основе широких всесторонних политических

программ, на основе определенной научной идеологии, способной объединить вокруг себя миллионные массы людей.

В этой связи нельзя не обратить внимания на полную бесперспективность концепций «деидеологизации», с которыми выступают некоторые теоретики на Западе. Согласно их мнению, индивидуум в своей жизни должен ориентироваться, лишь исходя из потребностей сегодняшнего дня. Однако эта точка зрения не выдерживает никакой критики: даже по данным социологических исследований, проведенных во многих западных странах, личность страдает, если она обречена лишь на узкопрагматическую ориентацию. Тем более молодежь. За редким исключением, ее жизненные ожидания не могут быть ограничены лишь узким мирком собственного семейного счастья. Молодые люди чувствуют себя членами человеческого общества, им и близки, и понятны беды и горести всего человечества. У современной молодежи все больше возникает острая потребность в служении высоким идеалам добра и справедливости. Конечно, это явление отнюдь не исключает наличия пассивных, равнодушных, инертных групп молодежи. Отсутствие у таких людей общесоциальных программ борьбы за улучшение общественной системы является основой для психологии цинизма и настроений примиренчества с любым злом и насилием. Но политически активная прогрессивная молодежь сознает и выполняет свою роль борца за лучшее будущее, она участвует в движении за социальные преобразования.

Последние годы повсеместно отмечается небывалый рост интереса современной молодежи, в первую очередь учащейся и студенчества, к проблемам «третьего мира», к войне во Вьетнаме. Эскалация агрессии США во Вьетнаме вызвала контрэскалацию политической активности демократической общественности. Молодежь реагировала особенно бурно. Во второй половине шестидесятых годов отношение к войне во Вьетнаме стало неотъемлемым и первым пунктом повестки дня почти любого митинга, собрания или конгресса молодежи.

В демонстрациях и митингах протеста против агрессии США во Вьетнаме участвовали сотни тысяч молодых людей. Вьетнам ясно показал политическую зрелость прогрессивной молодежи, гуманистический характер ее социальной ориентации.

Второй момент, играющий большое значение в выработке социальной ориентации молодого человека в современном мире, заключается в его способности разбираться в сложной структуре существующих материальных и идеологических отношений. Каждый человек живет и действует в конкретных условиях места и времени, в условиях определенных социальных отношений. И ему надо познать эти отношения и свое место и роль в их системе для вы-

работки программы своей личной жизни и для активного участия в общественно-политической деятельности.

Не секрет, что многие молодые люди, вступающие в самостоятельную жизнь, плохо представляют себе свое место в капиталистическом обществе, условия труда и общежития, реальную структуру общества и механизм его взаимосвязей. Разлад с действительностью, непонимание ее часто ведет к крушению первоначальных ценностных ориентаций, обостряет юношеский негативизм.

Все вышеизложенные факторы приобретают особенно обостренный характер, когда речь идет о молодежи, обучающейся в старших классах школы и в высших учебных заведениях (для краткости в дальнейшем мы будем говорить о студенчестве). Данная социальная прослойка, будучи частью молодежи и обладая всеми особенностями данной возрастной группы, отличается в то же время особой критичностью мышления, спутника высокого интеллекта. И не случайно история развития общественной мысли во всех странах, так же как и история развития всех демократических и социалистических движений и революций, подтверждает активную роль прогрессивного студенчества. Студенты участвуют сегодня во всех общедемократических движениях современности.

В последние годы они не раз были инициаторами и движущей силой самостоятельных выступлений, размах которых вызвал у перепуганных буржуа даже призрак «студенческой революции». При всей сложности и противоречивости характера студенческих выступлений для нас несомненно **одно**: их возрастающая антикапиталистическая направленность. Именно этот факт стремится скрыть, спрятать, затушевать буржуазная пропаганда. По вполне понятным причинам она не заинтересована в четком социальном анализе студенческого «бунта»: ведь сам факт посягательства на устои буржуазного общества со стороны его духовной элиты явно отдаст погребальным звоном. И чтобы заглушить эти печальные для себя звуки, идейные апологеты капитализма усиленно толкуют об извечной игре молодой крови, о возрастной импульсивности молодежи, об ее агрессивности. Ведь это так всем близко и понятно, особенно старшим поколениям. В какой семье не бывает своих маленьких проблем, а иногда и трагедий с подрастающей сменой? Кому из старших не знакома извечная нестареющая формула: «Ну и молодежь пошла!» Так-то возрастные особенности молодежи, о которых мы только что говорили, ловко и сознательно выдвигаются на первый план, чтобы заслонить главные причины. Да, возрастные и психологические особенности молодежи существуют и не могут быть упущены из виду. Но ведь каждый молодой человек — член своего общества и носитель определенных социально-экономических функций. И вот здесь мы подходим к вопросу, как взаимосвязаны сту-

денческие выступления последних лет с изменением в развитии современного капитализма. Ответ на этот вопрос объяснит в последующем существо «левачества» и его идеологию.

Научно-техническая революция и студенчество

Герберт Маркузе, духовный идол левацки настроенного студенчества, говорил летом 1967 года: «Я считаю студенческую оппозицию сегодня одним из самых решающих факторов в мире. Конечно, не в смысле непосредственной революционной силы, как меня упрекают, а как один из сильнейших факторов, который, по-видимому, сможет стать революционной силой».

А весной 1968 года, когда студенческая оппозиция во Франции, Западной Германии и других странах была ближе всего к маркузианскому идеалу революционной силы, тот же Маркузе заявил в интервью газете «Монд»:

«Везде, всегда подавляющее большинство студентов консервативно и даже реакционно. Таким образом, студенческая власть, если она будет демократичной, будет консервативной, а то и реакционной».

Где же логика, не говоря уже об истине? — спросите вы. Но это уже второй вопрос, и, как мы убедимся позже, вопрос не совсем правомерный в отношении Герберта Маркузе, который никогда не обещал в своем учении ни логики, ни истины.

Какова же в действительности роль студенчества в современном развитом капиталистическом обществе?

Динамизм социальных изменений в последние десятилетия породил необычайный феномен: на протяжении жизни одного поколения произошло существенное изменение социальной функции студенчества на Западе. Если в начале нынешнего века студенты в своей основной массе составляли предбуржуазию, то сейчас они составляют в своем большинстве предпролетариат. Причины? Под влиянием мировых революционных преобразований и научно-технического прогресса существенно меняется социальный состав и условия жизни интеллигенции, в том числе студенчества. В течение длительного времени студенты находились в привилегированном положении. Число их было относительно невелико. Подавляющее большинство студентов было выходцами из среды буржуазии. Кем бы они ни становились после окончания вуза — адвокатами, инженерами, врачами или офицерами — они в большинстве своем вступали в ряды имущих классов и были призваны отражать и защищать их

интересы. Именно в этом смысле студенчество по своему происхождению, социальным настроениям и ожиданиям составляло прослойку предбуржуазии.

Во второй половине XX века это положение начинает изменяться. Научно-техническая революция предъявила новые, гораздо более высокие требования к характеру и уровню подготовки рабочих: вырос спрос на квалифицированных работников. Развитие научно-технической революции привело также к превращению науки в непосредственную производительную силу: возросла роль научных исследований и проектирования, система образования стала одним из важнейших факторов для дальнейшего развития производственных сил.

Указанные процессы имели своим следствием резкое численное увеличение студенчества и изменение его социальной функции.

За последние 10 лет число студентов возросло: в США — с 2,5 до 7 миллионов¹; во Франции — с 200 до 514 тысяч, в Англии — с 216 до 418 тысяч; в ФРГ — со 110 до 500 тысяч. В странах «Общего рынка» только за 5 лет (с 1962 до 1967 года) число студентов возросло с 817 тысяч до 1 миллиона 394 тысяч. Если же сравнить более отдаленный период, то окажется, что университеты Западной Европы выпускают сейчас в 4—5 раз больше специалистов с высшим образованием, чем в 30-е годы.

В связи с резким возрастанием механизации и автоматизации всех производств, в связи с широким внедрением в промышленности и управлении электронно-вычислительной техники быстро увеличивается удельный вес умственных операций, происходит своеобразная интеллектуализация труда. Таким образом, капитализм эксплуатирует теперь не только, и даже не столько физические, но и умственные способности работника. Так интеллигенция, прежде всего инженерно-техническая, становится объектом прямой эксплуатации. Уже этот процесс приближает ее к пролетариату, она, как и последний, становится для буржуазии источником прибавочной стоимости. Но, кроме того, она сближается с пролетариатом и по условиям получения доходов. Если раньше большую часть интеллигенции составляли представители так называемых свободных профессий, которые занимались частной практикой и вели свое дело по своему усмотрению, то теперь инженеры, техники, а также значительная часть юристов и других гуманитариев работают на частных или государственных предприятиях и в научно-исследовательских центрах, получая не гонорар от разных клиентов, а зарплату от одного работодателя и тем самым попадая в финансовую зависимость от

¹ В США в это число входят и учащиеся техникумов, или так называемых младших колледжей.

него как всякая наемная рабочая сила. Так студенты попадают в прослойку предпролетариата, поскольку многие из них встанут в ряды технической интеллигенции, служащих, юристов, врачей и т. д., работающих по найму.

В связи с изменением социальной функции нынешних и будущих работников умственного труда (интеллигенции и студенчества) меняется и структура рабочего класса высокоразвитых капиталистических стран. Возникающая при этом социальная динамика имеет важное значение для понимания политических и идеологических факторов, влияющих на развитие антиимпериалистических движений. История последних учит, что пробуждение пролетарского сознания у новых групп и слоев пролетариата не происходит автоматически, а представляет собой исторический процесс, опосредствованный социальной и политической практикой.

Для того чтобы яснее и конкретнее представить себе влияние научно-технической революции на изменения в структуре рабочего класса и на изменения социальной функции интеллигенции и студенчества, рассмотрим указанные процессы на примере ФРГ. Кстати, не следует упускать из виду, что сильнее всего студенческие «бунты» развивались сначала в США, Западной Германии и Западном Берлине.

В послевоенные годы рабочий класс ФРГ неуклонно растет в численном отношении. При этом происходит регулярное уменьшение количественной доли рабочих и возрастание доли служащих (являющихся также лицами наемного труда): так, если в 1950 году среди лиц наемного труда в ФРГ насчитывалось 71,3 процента рабочих и 23,4 процента служащих (5,3 процента — чиновники), то в 1966 году рабочие составляли уже 60,1 процента, а служащие — 33,6 процента (6,3 процента приходилось на долю чиновников)¹.

Данная тенденция прогрессирует. Если учесть, что в США уже в 1955 году служащих было столько же, сколько рабочих, в 1965 году служащих было больше на 21 процент, а в 1975 году их число должно на 40 процентов превысить число рабочих, и тот же процесс следует ожидать в Федеративной Республике Германии и других странах Западной Европы.

Следующим важным фактором являются изменения в структуре квалификации промышленных рабочих. Более широкое использование комплексных автоматических систем ведет к существенному увеличению высококвалифицированных рабочих, техников и инженеров. Ведь если взять только процесс автоматизации труда служащих, то здесь мы имеем такие показательные цифры: в 1959 году

¹ Statistisches Jahrbuch, 1967, S. 137.

в ФРГ использовались 94 электронно-вычислительные машины. В 1967 году — 2963. Согласно прогнозам в 1975 году в ФРГ будет действовать 11 550 электронно-вычислительных машин.

Анализ структурных изменений рабочего класса ФРГ показывает не только возрастающее значение служащих и научно-технической интеллигенции, но и сближение условий их жизни и труда с остальными группами рабочего класса.

Прежние экономические льготы и привилегии служащих были продуктом определенной ступени развития капиталистического способа производства. На ранней стадии капитализма служащие представляли собой небольшую группу, тесно связанную с предпринимателями. Это были члены их семей, разорившиеся предприниматели, коммерсанты и их дети. Служащие были той прослойкой, которая хотя и не принадлежала к капиталистам, но была их придатком (иными словами, составляла предбуржуазию). Но в последующем это положение изменилось.

Если в 1910 году более половины служащих-мужчин в ФРГ происходило из семей предпринимателей и лиц свободных профессий, то уже к 1958 году только 25 процентов принадлежало к этим кругам, а $\frac{2}{3}$ были детьми служащих, чиновников и рабочих. Наряду с этим сблизились экономическое и правовое положение рабочих и служащих. Так, в 1968 году средняя зарплата промышленных рабочих была лишь на 10 процентов ниже, чем у служащих.

Большое значение имеет сближение условий труда рабочих и служащих. Теперь в сфере производства работает все больше служащих. Они следят за работой агрегатов и механизмов и работают в тех же условиях, что и квалифицированные рабочие. Технический прогресс ведет к тому, что часть служащих выполняет в основном техническую и физическую работу, а это приводит к значительному повышению норм их труда.

Теперь техники, инженеры и другие служащие так же, как и рабочие, полностью зависят от капиталиста, и они испытывают такую же неуверенность в завтрашнем дне. Технический прогресс ведет к тому, что в ходе автоматизации и рационализации потеря рабочего места может угрожать и лицам, имеющим высшее образование. Все это способствует осознанию технической интеллигенцией своего положения как эксплуатируемой группы рабочего класса. Так у инженерно-технического персонала начинает вырабатываться классовое сознание и понимание общности их интересов с интересами всего пролетариата. Этот процесс не может не оказывать своего влияния и на студенчество, составляющее резерв будущей армии служащих.

Современная техническая интеллигенция, в которую ежегодно

вливается все более возрастающий поток нынешних студентов, в процессе производства подвергается такой же эксплуатации, как и рабочий класс, и от последнего отличается лишь уровнем квалификации. Поэтому, когда мы в дальнейшем будем рассматривать причины и особенности студенческого «бунта», мы не должны выпускать из виду главного обстоятельства: важнейшим результатом развития современного капитализма является превращение студенчества из предбуржуазии и предпролетариата. Вот почему если раньше только студенты-одиночки выступали против капиталистических порядков, то теперь значительные массы студенчества осознают противоположность своих интересов интересам капиталистической олигархии.

Формированию классового самосознания определенной части студенчества способствует также образование системы государственно-монополистического капитализма. В результате обострения внутренних и внешних противоречий капитализма власть монополий окончательно объединяется с властью капиталистического государства в единую систему. Отсюда дальнейшее развитие общественно-го характера производства, растущая концентрация и централизация капитала, превращение государства в крупнейшего предпринимателя. Так, в Западной Германии на государственных и коммунальных предприятиях, а также на административной службе в учреждениях занято четыре миллиона человек. Это составляет $\frac{1}{5}$ всех рабочих, служащих и чиновников.

Полный переход к системе государственно-монополистического капитализма привел к росту милитаризма и совершенствованию аппарата манипулирования и угнетения. Всесилие и изощренность государственно-монополистической машины подавления общественного мнения и навязывания населению официальных пропагандистских установок вызывает недовольство и протест со стороны критически настроенной интеллигенции и студенчества. Его представители защищают свободу индивидуума по отношению к государственно-монополистическим институтам.

Если проанализировать студенческие выступления последних лет в развитых капиталистических странах, в первую очередь в США и Западной Германии, то окажется, что особенно резко выступили студенты против засилья военно-промышленного комплекса (то есть против всевластия госмонополистического капитала и милитаризации страны) и против манипуляционных центров (то есть против всей системы обработки общественного мнения).

Так образуется неизбежный круг противоречий: государственно-монополистический капитализм в ходе научно-технической революции расширяет классовую базу своих противников, вовлекая в нее интеллигенцию и студенчество.

Капитализм и кризис высшей школы

Рост студенческой оппозиции во многих капиталистических странах связан также с кризисом высшей школы. То, что система высшего образования в Западной Германии, Франции, Италии и других западноевропейских странах находится в кризисном состоянии, давно уже стало аксиомой даже для самых рьяных апологетов капиталистического общества. Последние годы даже буржуазная пресса этих стран с большой тревогой не раз писала об этом. Причем многие серьезные исследователи, такие, например, как известный французский публицист Жан-Жак Серван-Шрейбер, автор нашедшей книги «Американский вызов», в кризисе высшей школы видели одну из главных проблем прогрессирующего отставания Западной Европы от Соединенных Штатов Америки. Казалось бы, парадоксально, но факт: дальнейшее развитие научно-технической революции в западноевропейских странах тормозится из-за недостатков высшей школы, государственно-монополистический капитал терпит на этом убытки, понимает это и ничего не предпринимает для разрешения данной проблемы. Но именно в этой ситуации воочию проявляются противоречия капиталистического общества, в котором система высшего образования находится на положении пасынка. Монополии, которые черпают кадры инженеров и служащих из университета, не собираются субсидировать высшую школу, находящуюся на государственном бюджете. А государство понимает необходимость улучшения системы высшего образования, но деньги предпочитает тратить в гораздо большей мере на пушки, чем на учебники.

В чем же выражается кризис высшей школы? Разберем этот вопрос на примере Франции, где кризис системы высшего образования сыграл не последнюю роль в майских событиях 1968 года и острота его во многом не снята до сих пор.

Как выглядела французская система высшего образования в 1968 году, накануне массовых студенческих волнений?

По числу студентов Франция находится на первом месте среди стран Западной Европы. При населении в 50 миллионов человек в университетах насчитывалось 514 тысяч студентов и, кроме того, более 92 тысяч студентов других вузов. При этом число студентов во Франции растет в 2 раза быстрее, чем в США, Великобритании и других капиталистических странах. Начиная с 1958 года число студентов увеличилось в 2,8 раза и к 1972/73 учебному году их число должно превысить 800 тысяч человек.

Причин резкого роста числа студентов несколько. Это и послед-

ствия демографического обновления послевоенных лет (в 1958 году насчитывалось 570 тысяч молодых людей в возрасте 20 лет; в 1968 году — уже 850 тысяч). В результате известного повышения уровня жизни увеличилось число семей, где работа подростка не была уже крайне необходимой для семейного бюджета, и родители стремились дать детям более высокое образование. Нельзя сбрасывать со счетов и всеобщую тягу к знаниям и повышению своей культуры, которая стала ощущаться у многих групп населения.

Наплыв молодых людей в высшую школу связан также с отменой проверочных экзаменов при поступлении в университет. Внешне французская система высшего образования выглядела весьма демократично. Двери университета открыты для каждого выпускника средней школы, получившего диплом бакалавра после окончания среднего учебного заведения и прохождения дополнительного специального экзамена.

Но всякая демократия служит своему классу. И демократия буржуазная, предоставляя на словах равные возможности для всех, стоит на страже интересов класса буржуазии. При нынешнем развитии научно-технической революции и повышении спроса на квалифицированные кадры рабочих для последних уже было недостаточно начальной школы и требовались знания средней школы. Для тех же, кто стремился поступить в университет, нужно было сдавать в средней школе специальные экзамены на степень бакалавра. Они-то и служили барьером для выходцев из малоимущих семей. Из выпускников средней школы лишь 50—60 процентов сдают экзамены на степень бакалавра, и среди отсеявшихся большинство составляют дети рабочих и крестьян.

Следующими социальными барьерами является высокая стоимость высшего образования. Только 15 процентов студентов получают государственную стипендию. Причем даже те, кому повезло, получают крайне недостаточную сумму — до 2 тысяч франков в год. Если учесть высокую плату за обучение (за 10 лет она увеличилась на 75 процентов), значительные расходы на проезд и т. д., то легко представить, что учеба в университете по-прежнему является привилегией зажиточных слоев населения. Вот почему для демократических сил Франции вопрос о преодолении кризиса высшей школы всегда был связан прежде всего с вопросом ее демократии, где коренной проблемой является обеспечение реальных возможностей для получения высшего образования детям рабочих и крестьян.

Как отмечалось в отчетном докладе генерального секретаря Компартии Франции товарища Вальдека Роше на XVIII съезде партии (4 января 1967 года), во Франции практикуется социальная

и распространять знания». Многие профессора не были заинтересованы в том, чтобы менять характер университета как «храма истинной науки», и по-прежнему были настроены давать лишь всю необходимую для высшего образования и «продакшней» университетов. В то время как острая нужда ощущалась в инженерах и техниках, физиках, математиках, университетов выпускали в основном специалистов по гуманитарным наукам. Да и последние были ориентированы прежде всего на преподавательскую, а не на научно-исследовательскую работу. В результате многие чувствовали себя лишними и иными людьми и пополняли собой армию дипломированных безработных.

Газета «Монд» в мае 1968 года писала, что «молодежь, которая выходит на рынок рабочей силы, не имеет специальности, обречена на безработицу», которая, по мнению газет, «подстегает и дипломированных специалистов».

И это при условии, что в силу трудностей учебной программы из студентов не удалось выпустить своего собственного (излишне объяснять, что учебю бросают чаще всего нуждающиеся студенты).

Все вышеизложенные факторы не могли не сказаться на росте массового недовольства французского студенчества и его политической. Как отмечал В. И. Ленин, студенты, вступая на путь борьбы за так называемые чисто академические преобразования, очень скоро убеждаются, что последние могут быть завоеваны путем борьбы «не за академическую (студенческую) только свободу, а за свободу всего народа, за политическую свободу», и что действительную помощь и поддержку они могут получить в первую очередь от пролетариата, а отнюдь не от того класса, к которому они в своей массе принадлежат.

Последующее развитие событий во Франции полностью подтвердило правоту ленинских слов. Недовольство студенческой молодежи, поддерживаемое рабочим классом, заставило правительство занять прогностическую позицию. Принятый в октябре 1968 года Национальным собранием «Закон об ориентации высшего образования» явился прямым результатом совместной борьбы французских студентов и учителей. Однако, несмотря на модернизационные университетов, преобразованную законом, кардинальные проблемы демократизации высшего школы, обеспечения ее доступности выходцам из среды трудящихся так и не были решены.

Причина заключается в том, что кризис системы высшего образования — не изолированное явление, а отражение всеобщего кризиса капиталистического общества.

сервация: среди студентов только 12 процентов выходцы из среды рабочих и крестьян, тогда как все эти социальные категории, представая собой большинство населения. Бряд ли предполагается доказывать, что и в других капиталистических стра-

нах принципиально та же картина.

Однако вопрос о расширении социальной базы студенчества за счет выходцев из рабочих и крестьянских семей не может быть кардинально решен без изменения общественно-экономической системы. Перемены студенты понимают эту взаимосвязь. Действительно, уже сегодня многим буржуазным конституционным гражданам имеет право на получение профессионального, в том числе высшего образования. Однако в капиталистическом обществе отсутствуют материальные возможности для реализации этого права. Уже говорилось об отсутствии у рабочих и крестьян необходимых средств для обучения детей в вузах. Но, помимо этого, существующая система народного образования дает детям трудящихся более низкую степень подготовки, чем детям обеспеченных семей, в результате чего знания и образ мышления первых не позволяют им претендовать на университет. Социологи называют подобное явление «культурными барьерами», когда выходцы из семей со скромным достатком наталкиваются на трудн-

ности при усвоении абстрактных знаний, излагающихся в устойчивой форме.

Подобная дискриминация начинается уже с детского сада. Начиная с 6-го класса (во французских школах) путь в вуз для детей рабочих и крестьян практически открыт лишь для одиночек. Вот почему многие студенты считают, что принципиальное изменение системы высшего образования возможно лишь после изменения общественных отношений.

Кризис высшей школы в той же Франции нашел свое выражение и в ее несоответствии возросшим требованиям времени. Плоток студентов с каждым годом возрастает, а число аудиторий растет крайне медленно. В 1968 году в Парижском университете обучалось 150 тысяч студентов, но аудиторий могли вместить лишь каждого четвертого. Не хватает преподавателей, лаборантов, ассистентов, столовых. Согласно официальным данным, на одну единицу преподавательского состава в 1968 году приходилось по 10 студентов на медицинский факультет, по 15 студентов на факультетах естественных наук, по 43 — на филологических и по 65 — на юридических факультетах.

По своему содержанию образование в университетах остается таким, каким оно было 100 или 150 лет назад. Задачи университетов, как их определил императорский декрет от 17 марта 1808 года, заключались в том, чтобы «развивать науки, передавать

Маркузианство — троянский конь буржуазии

Шестидесятые годы нынешнего столетия окончательно похоронили миф о гармоничном и бесконфликтном развитии капитализма в послевоенный период. Иллюзии, имевшиеся на сей счет, обернулись политическими кризисами невиданной остроты, ростом демократического движения широких народных масс, в котором активную роль сыграла рабочая молодежь и студенчество.

По единодушной оценке коммунистических и рабочих партий капиталистических стран основной объективной причиной возросшей активности молодежи является общий кризис капиталистического общества, обострение его внутренних и внешних противоречий.

При всех национальных особенностях движения молодежи в разных странах причины его в основе своей однородны и вытекают из природы и характера системы государственно-монополистического капитализма. Не следует упускать из виду, что политическая активность молодежи как рабочей, так и студенческой развивалась одновременно с активизацией международного рабочего движения. Она проходила под знаком обострения классовой борьбы и носила ярко выраженный антиимпериалистический характер.

Развитие молодежного и студенческого движения тесно связано с экономическими и социальными условиями жизни в капиталистических странах и находится под влиянием политических и идеологических факторов современности. Суммируя вышеназванные причины движения протеста студенческой молодежи, следует еще раз подчеркнуть основные из них:

- изменение общественной функции студенчества (переход из предбуржуазии в предпролетариат);
- возрастание числа и роли студентов;
- огромная концентрация студенческой массы и кризис высшей школы (как фактор ее политизации и идеологизации).

Все это действовавшее на фоне противоречий госмонополистического капитализма, вызвало серьезный процесс брожения, создало общую атмосферу недовольства в наиболее критической среде студенческой молодежи, способствовало развертыванию широкой политической дискуссии. Изменилась традиционная фигура западноевропейского студента: если в конце прошлого и начале нынешнего столетия политически активный студент был любимым детищем буржуазии, то теперь он настроен прогрессивно и демо-

кратично. Отмечая антикапиталистическую направленность студенческого движения, мы в то же время не можем пройти мимо идейной путаницы, сознательно насаждаемой некоторыми идеологами современного «левачества» в студенческой среде. Среди всевозможных направлений «левачества», включающих в себя причудливую смесь течений анархизма, троцкизма и маоцздунизма, прослеживается довольно сильное влияние современного апостола «третьего пути» Герберта Маркузе. Маркузианство внешне выступает в форме неомарксистской критики капитализма. В то же время буржуазия и ее пропагандистский аппарат не только не замалчивают и не опровергают философию Маркузе, но, наоборот, всячески содействуют ее рекламе. В чем тут дело, и нет ли здесь противоречия?

На заре капитализма буржуазия требовала от молодежи идеологического верноподданничества. Малейшая ересь сурово наказывалась. Теперь, в силу растущего влияния революционных движений современности, буржуазия не может рассчитывать на единоедушное послушание молодежи и заметно заискивает перед ней. Буржуазная идеология пытается использовать идеализм, романтизм и юношеский максимализм молодежи, отсутствие жизненного и политического опыта и восприимчивость к радикализму и авангардизму, что особенно свойственно студенчеству. Буржуазия льстит молодежи, чтобы заинтересовать ее потускневшими прелестями своего строя. И в качестве такого опытного совратителя выступает Герберт Маркузе, старый немецкий философ, живущий в США. Его философия рассчитана на тех экстремистов и левых радикалов, кто в своем вольном или невольном заблуждении строит баррикады для сражений на два фронта: против государственно-монополистического капитализма и против социализма. Буржуазная пропаганда не в силах открыто защитить дискредитировавший себя мир капитализма и рекламирует маркузианство как «третий путь» для тех, кто отвергает капитализм, но, не будучи способным понять трудности социалистического строительства, не приемлет реального социализма и пытается найти формулу «чистого коммунизма». Маркузе ценен для буржуазии прежде всего тем, что, критикуя капитализм (что сейчас не только модно, но просто необходимо, чтобы привлечь внимание аудитории для собственно своих идей), Маркузе пытается развенчать марксизм наших дней. В условиях растущего антикапиталистического движения широких народных масс самым страшным для буржуазии является единство всех отрядов антиимпериалистического фронта. Вот почему в таком почете маркузианство, выступающее здесь как троянский конь буржуазной идеологии в среде оппозиционного студенчества. С его помощью надеются направить это движение в русло ле-

важких действий и таким образом ослабить общедемократическое движение.

В чем суть маркузианства?

Эта «философия» утверждает, что развитие производительных сил при капитализме приводит к «интеграции» пролетариата. В результате определенного роста благосостояния и идеологического манипулирования рабочий класс капиталистических стран вращается в буржуазное общество, иными словами — обуржуазивается. Отсюда его оппортунизм и потеря революционности. Учение Маркса о классовой борьбе в новых условиях устарело, а коммунистические партии Запада оказались неспособными революционизировать «интегрированный» рабочий класс и стали на реформистский путь.

Единственной силой, противостоящей капиталистическому обществу и способной осуществить революцию, являются неинтегрированные элементы общества (не зависящие от него материально и обладающие критическим мышлением) и отверженные: национальные меньшинства, массы людей «третьего мира» (не пользующиеся «благами» капитализма).

Не надо быть особым знатоком в области философии и социологии, чтобы разобраться в идейной и политической направленности маркузианства. Это учение направлено на подрыв главного в марксизме: оно отрицает объективную закономерность смены капитализма социализмом и историческую миссию рабочего класса.

Именно поэтому буржуазия подняла на щит Герберта Маркузе как идеолога современного «левачества».

Но факт остается фактом: идеи Маркузе нашли довольно широкое распространение среди части левоопозиционного студенчества и именно поэтому должны стать объектом открытой критики.

Создавая миф о Маркузе, идоле «мятежных» студентов, буржуазная пропаганда скрывает противоречивость его учения и путь становления его как философа. Между тем это имеет непосредственное отношение к существу маркузианства и помогает критически разобраться в причинах его относительной популярности.

Биография

Герберт Маркузе родился 19 июля 1898 года в бюргерской семье в Берлине. Он изучал философию и готовил себя к преподавательской деятельности в университете. В 1927 году он был редактором журнала «Гезельшафт» («Общество»), теоретического

органа немецких социал-демократов. После прихода фашистов к власти он эмигрировал в США. С 1934 года начинает работать в Колумбийском институте. Во время второй мировой войны Маркузе «соглашается» работать для Управления стратегических служб, становится заведующим отделом в американской секретной службе, а затем начальником отдела в государственном департаменте. Позднее он переходит в «русский институт» Гарвардского университета, где пишет книгу о «советском марксизме». В 1954 году становится профессором.

Философские взгляды Маркузе формировались под воздействием различных учений, и в их развитии прослеживается по крайней мере три периода.

Период первый (1928—1932 гг.). Маркузе находится под влиянием экзистенциализма и стремится соединить эту философию с диалектикой и историческим материализмом.

Согласно представлениям Маркузе человек — это изолированный индивид и сущность его — в духовной деятельности. Политика определяется сознанием. Если это сознание революционно, то революция возможна в любое время, ибо капитализм по своей природе уже есть революционная ситуация.

Исходя из такой оценки, Маркузе выступает против каких бы то ни было реформ (которые лишь укрепляют «систему»). Его идеал — «катастрофическая революция».

Несомненно, что на формирование взглядов Маркузе в этот период наложил отпечаток мировой экономической кризис. В этот период Маркузе пишет комментарий к «Экономическо-философским рукописям 1844 года» Карла Маркса. Маркузе изображает молодого Маркса как борца за человека — в духе мелкобуржуазного индивидуализма.

Второй период (1933—1941 гг.). Философия Маркузе развивается под впечатлением победы фашизма в Германии. В эти годы Маркузе становится ревностным последователем Гегеля, которого он ставит выше Маркса. В это время Маркузе критикует практику строительства социализма в СССР, выступает против диктатуры пролетариата.

Третий период (послевоенный). Политика «холодной войны» оказала заметное влияние на окончательное формирование взглядов Маркузе. Он отказывается от своего раннего увлечения левогегельянством. В своей книге «Структура инстинкта и общество» он излагает свою теорию господства и свободы, в которой сказывается влияние Фрейда.

Маркузе отвергает учение Маркса о классовой борьбе и об исторической миссии пролетариата. В книге «Учение советского марксизма об обществе» он провозглашает свой тезис о том,

что империализм «интегрирует» рабочий класс метрополий; что является источником оппортунизма. Причем, говоря об оппортунизме западной социал-демократии, он фактически оправдывает ее, говоря об объективной закономерности интеграции рабочего класса в существующую систему. В то же время он обвиняет коммунистов Западной Европы в «реформистской политике» и в поддержке тезиса о мирном сосуществовании революции, который якобы направлен против других стран.

Вряд ли есть смысл более подробно излагать ложные теоретические построения Герберта Маркузе и доказывать несостоятельность его выпадов против политики коммунистических партий Запада, выступающих в авангарде социальных битв рабочего класса. Как раз шестидесятые годы принесли небывалый подъем широкого забастовочного движения в основных цитаделях империализма: Соединенных Штатах Америки, Западной Германии, Великобритании, Франции, Италии и других странах. Что же касается политики мирного сосуществования, то именно она содействовала разоблачению агрессивных планов международного империализма и уменьшению международной напряженности, она способствовала успешному развитию национально-освободительных революций в Азии, Африке и Латинской Америке и развертыванию общедемократического движения в мире.

Для нас важно другое: выявить социальную направленность теорий Маркузе, их подлинный смысл и роль в идеологической борьбе двух мировых систем. Задавая в этом случае ленинский вопрос: кому это выгодно? — мы ясно видим, куда клонит немецко-американский философ. Он стремится расколоть единый антиимпериалистический фронт и противопоставить друг другу социалистические страны, международный рабочий класс, национально-освободительное и общедемократическое движения. Если рабочий класс в капиталистических странах более не революционен, а коммунистические и рабочие партии скатились к реформизму, если социалистические страны мирно сожительствоуют с империализмом, то отверженным в странах «третьего мира» не на кого положиться, кроме как на самих себя. Чувствуете ловкий реверанс профессора в сторону автора теории «при опоре главным образом на собственные силы»?

Казалось бы, все ясно. Но представьте себе, что «революционного» Маркузе (а ведь он выступает против капитализма, за катастрофическую революцию!) слушают нетерпеливые студенты, горящие желанием уже сегодня перевернуть окружающий их мир, несправедливый мир. Разве не может маркузианство, льстящее их юношескому авангардизму, показаться им вдруг желанной архимедовской точкой опоры? Вполне может. И это, как мы увидим

дальше, пытались продемонстрировать на деле идеологи студенческого «левачества» Руди Дучке, Кон-Бендит и другие поклонники Маркузе в теории и на практике.

Именно они добились похвалы престарелого философа-экзистенциалиста, когда во время студенческих выступлений в 1968 году писали на стенах захваченных факультетов: «Будьте реалистами — требуйте невозможного!» Это был вполне логичный лозунг для тех, кого Маркузе объявил носителями грядущей революции, которая освободит человечество от его «одномерности».

Последний термин вошел в моду после выхода книги Маркузе «Человек одного измерения». В ней автор критикует неправильное отношение человека к природе вне нас. Человек согласно Маркузе исходит из неверного желания покорить природу и применяет к ней «репрессивные формы». В результате он так же репрессивно использует технику и индустрию, и его логическое мышление формируется под впечатлением этих методов господства. Так создается порочный круг вещей, в котором обнажается бесчеловечное отношение человека к самому себе. В этих условиях человек способен мыслить лишь существующими категориями, которыми он измеряет окружающую природу, технику и самого себя (отсюда «одно измерение»).

Поскольку господствующее «индустриальное общество» формирует мышление всех людей, вовлеченных в орбиту его влияния, то они не способны освободиться от «одномерности», то есть создать новый тип науки, техники и структуры инстинкта.

Сформированный в «одном измерении» человек упускает из виду возможность существования иного измерения, не существующего в окружающем мире, но вполне реального в будущем и на пути к нему, в результате революции.

И только те, кто не интегрирован в капиталистическое общество, то есть студенты, а также массы людей в развивающихся странах, могут выступить против этого общества и осуществить революцию. При этом дается даже метод борьбы с господствующей системой, а именно отказ от установленных обществом «правил игры».

Такова суть теории Маркузе. В дальнейшем мы увидим, как левачьих лидеры Руди Дучке, Кон-Бендит и другие взяли ее на вооружение при разработке своей стратегии и тактики студенческого «бунта». Причины влияния Маркузе в среде левооппозиционного студенчества, как ни парадоксально, в противоречивости его учения. Он резко критикует нормальные процессы, происходящие в капиталистическом обществе, вскрывает противоречия капитализма и его антигуманную сущность (то, что близко и понятно критически мыслящему студенчеству). И он ведет увлеченного студента за собой дальше, подвергая критике строительство социализма на прак-

тике. И здесь Маркузе уже действует заодно с антикоммунистической пропагандой империализма и, по существу, помогает последней отравлять сознание тех, которые сами выступают против империализма.

Маркузе верно говорит о социальной несправедливости капиталистического общества и о необходимости революции (то, что находит отклик у радикально настроенного студенчества). Однако Маркузе по ходу своего рассуждения обвиняет в оппортунизме рабочий класс (а неискушенное студенчество соглашается с ним, имея перед глазами пример оппортунизма социал-демократической и профсоюзной верхушки). Когда же Маркузе авангардную роль пролетариата в антиимпериалистической борьбе отдает студентам, интеллигенции «среднего класса» и угнетенным массам «третьего мира», то разве будут отказываться от такой миссии радикально настроенные, но политически неопытные студенты?

Маркузе приветствует «бунт» студентов, хотя сам же признает его слабость и бесперспективность в борьбе против империализма. Итак, своей критикой коммунистического общества он вдохновляет студентов на «великое сопротивление» и даже теоретически обосновывает их авангардизм, но одновременно лишает их союза с истинным гегемоном в антиимпериалистической борьбе и сеет исторический пессимизм, неверие в возможность социалистического переустройства общества в настоящих условиях. Это чем-то напоминает современные вариации на темы бернштейниады: «Движение — все, конечная цель — ничто».

Буржуазия вряд ли могла себе пожелать более ловкого помощника: под знаменем критики капитализма Маркузе вносит мелкобуржуазное мышление в среду молодой левоопозиционной интеллигенции, составляющей переходную прослойку между буржуазией и пролетариатом. Ясно, что борьба против маркузианства есть борьба за прогрессивную молодежь, за укрепление антиимпериалистической оппозиции.

Студенческие «бунты» в странах капитала

Шестидесятые годы нынешнего столетия были отмечены резкой политизацией студенческого движения в развитых капиталистических странах и бурными выступлениями студентов в США, Западной Германии, Западном Берлине, Франции, Италии и некоторых других странах мира. Студенческие «бунты» носили небывало массовый и решительный характер, что дало повод буржуазной пропаганде за-

говорить о «студенческой революции» и даже о «международном заговоре интеллектуалов». Правая печать не стеснялась в самых агрессивных эпитетах в адрес студентов для того, чтобы вызвать страх у мещанского болота и оправдать крайние полицейские меры против взбунтовавшейся университетской молодежи.

Когда очередная вспышка студенческих волнений миновала и страсти несколько поутихли, в разных кругах была предпринята попытка проанализировать это явление. Поиски центра «заговорщиков» не увенчались успехом (а ведь столько лет пропагандистская машина империализма в любом движении протеста обвиняла «международный коммунизм»!). И надо отдать должное наиболее серьезным буржуазным наблюдателям: они признали несостоятельность прежних установок. Так, крупнейшая буржуазная газета Англии «Таймс» в статье «Студенты охвачены мятежом» писала 30 мая 1968 года:

«Многие считают, что студенческое движение протеста в различных частях мира, особенно в США и Западной Европе, является результатом организованного заговора. Мы не нашли никаких свидетельств в подтверждение этого. В то же время нельзя объяснить простым совпадением тот факт, что студенты в различных местах протестуют одним и тем же образом против одного и того же».

И далее «Таймс» пытается найти причины этого явления. Среди них газета указывает следующие три:

«Во-первых, многих студентов затрагивают одни и те же проблемы — война во Вьетнаме, расовая дискриминация, соглашательская политика и перенапряженная система образования...

Во-вторых, существует интенсивное «перекрестное опыление», иногда организованное, иногда нет. Лидеры радикального движения встречаются друг с другом, обмениваются письмами, документами и книгами, организуют демонстрации в поддержку требований друг друга. Существует постоянный обмен студентами и преподавателями.

Существует также мощное воздействие массовых средств информации. Студенту нужно только прочитать газету или включить телевизор, чтобы узнать все о последних вспышках волнений в другой стране и, возможно, почувствовать желание последовать этому примеру. Сила примера — великая сила, и уже начинают попадаться студенты из более спокойных стран, включая Англию, которые чувствуют себя виноватыми, так как они не выходят на улицу. Возникает ощущение, что девушки скоро начнут презирать тех студентов, которые только и делают, что сидят за книгами, как они это делали уже в отношении тех, которые не воевали во время первой мировой войны».

Да, скажем прямо, солидная «Таймс» оказалась явно не на высоте в своей аналитической попытке и свела ее к шутливому фина-

лу. Спору нет, указанные причины имеют место, но они являются далеко не главными в объяснении феномена студенческих «бунтов». Суть их, как мы уже убедились выше, заключается в социально-экономическом развитии государственно-монополистического капитализма в эпоху научно-технической революции. Это развитие порождает общие закономерности во всех капиталистических метрополиях, которые и приводят к студенческим «бунтам».

Конечно, левое студенческое движение в каждой из стран обладает своими особенностями, которые носят порой весьма существенный характер, и требует своего особого подхода к оценкам и решению возникающих в связи с этим проблем. Так, например, многие исследователи этого вопроса считают, что студенческие «бунты» сильнее всего развивались сначала в США и Федеративной Республике Германии. Для этих стран характерно либо полное отсутствие социал-демократического варианта «третьего пути» (США), либо открытый оппортунизм и реформизм правой социал-демократии (ФРГ), так что левоопозиционное студенчество в этих странах могло заполнить вакуум левобуржуазных идей. Здесь это движение носило гораздо большую антимилитаристскую и антифашистскую направленность, чем в других странах. Не следует упускать из виду также, что в этих странах в результате многолетней и яростной травли коммунистов среди значительных слоев населения имелось относительно слабое влияние марксистской идеологии.

В то же время во Франции, где коммунистическая партия обладает большим влиянием среди рабочего класса и интеллигенции, значительная часть студенчества всегда сохраняла свой боевой союз с рабочими и коммунистами. Но в то же время французское студенчество всегда отличалось разнородностью и там гораздо большую активность проявили троцкистские, анархистские и маоистские элементы, не раз прибегавшие к провокационным действиям во время студенческих волнений.

Но при всех особенностях студенческих выступлений в разных странах во второй половине шестидесятых годов между ними прослеживается явная взаимосвязь. Повсеместно отмечена и такая важная общая черта: переплетение академических и политических требований, причем последние явно доминировали. Но была и другая общность в студенческих выступлениях, общность левачьих ошибок и заблуждений их лидеров. Проблема «левачества» важна потому, что она не искусственно создается буржуазией, а возникает объективно в результате конкретной исторической ситуации. Член ЦК ФКП Лео Фигер, изучавший этот вопрос, приходит к такому выводу в журнале «Франс нувель»:

«Дело в том, что «левачество», когда оно обеспечивает себе в определенный период в определенной среде некоторое влияние,

обязательно отражает реальную проблему, стремление, которое рождается и развивается».

Проблема «левачества» важна также потому, что она имеет не только свои социальные корни, но и свои исторические традиции, и отнюдь не является временным, преходящим явлением. Никто не может дать гарантий против рецидивов этого явления в будущем, тем более что после вспышки 1967—1968 годов спала лишь острота этого заболевания, но очаги остались.

Вот почему нам представляется важным более подробно рассмотреть вопрос о студенческих выступлениях в некоторых капиталистических странах и затем разобрать политические взгляды лидеров левооппозиционного студенчества. При этом хотелось бы более подробно остановиться на примере Западной Германии, Западного Берлина и Франции, где студенческие выступления носили особенно бурный и массовый характер.

Студенческие волнения в ФРГ и Западном Берлине

Студенческие волнения в Западной Германии и Западном Берлине достигли особого размаха в июне 1967 и в апреле — мае 1968 годов. Непосредственным поводом для массовых демонстраций, митингов протеста и стычек студентов с полицией послужили убийство западноберлинского студента Бенно Онезорга во время визита иранского шаха в Западный Берлин в июне 1967 года и покушение на одного из лидеров Социалистического союза немецких студентов Руди Дучке в апреле 1968 года. Оба эти события, причем второе в гораздо большей мере, сопровождались небывало активным для условий ФРГ и Западного Берлина участием студентов в политических выступлениях, что дало повод для официальных представителей правительства и печати говорить о студенческом бунте. Анализ западногерманского студенческого движения показывает, что предпосылки для подобных выступлений созрели постепенно на протяжении последних лет и коренятся в экономических, политических и идеологических особенностях развития западногерманского общества.

В 1966 году впервые в послевоенной истории западногерманского империализма разразился циклический экономический кризис, что привело к обострению социальных противоречий в стране и к насаждению монополистического капитала на трудящихся, а также на мелкую буржуазию. В стране усилились настроения неуверенности и недовольства, в том числе и среди мелкой буржуазии, а следова-

тельно, и студенчества, большая часть которого рекрутируется из средних слоев населения¹.

К общим экономическим причинам недовольства студентов следует добавить материальные трудности, связанные с растущей стоимостью обучения², а также устаревшую систему высшего образования в ФРГ, на которое из госбюджета отпускаются мизерные суммы. Западногерманская печать неоднократно отмечала, что «экономическое чудо» не коснулось высшей школы. На протяжении многих лет требования о реформе университета и об увеличении расходов государства на социальные нужды студенчества являются первым пунктом программ большинства студенческих организаций. К этому следует добавить широкое недовольство студентов отсталой системой преподавания, консерватизм и реакционность высшей школы в ФРГ.

Шестидесятые годы характеризовались постоянным падением не только экономического, но и политического доверия к государственным институтам со стороны средних слоев населения. Это было вызвано общим развитием соотношения сил в мире в пользу социализма и, в частности, укреплением экономического могущества и политического авторитета ГДР, бесперспективностью внешнеполитического курса ХДС — ХСС, рассчитанного на перевес сил Запада и поглощение ГДР. Внешнеполитический тупик усугублялся усилением авторитарных тенденций внутри страны. Подобное развитие вызывало рост недовольства со стороны левых сил в стране, особенно среди демократической интеллигенции и студенчества. К этому следует добавить разочарование левых социал-демократов соглашательской политикой правых лидеров СДПГ, порвавших с марксизмом.

Вышеназванное экономическое и политическое развитие западногерманского общества неизбежно вело к усилению недовольства самых различных слоев населения, к поляризации политических сил и радикализации настроений как правых, так и левых. В таких условиях вполне закономерным явилось появление в середине шестидесятых годов неонацистской национал-демократической партии, под влияние которой подпала часть молодежи и студенчества³. С дру-

¹ Для примера можно привести социальный состав студентов западноберлинского «свободного» университета: дети крупных чиновников — 27,2 процента, служащих — 43,1 процента, представителей свободных профессий — 21,8 процента, рабочих — 4,1 процента, крестьян — 2,2 процента.

² Плата за обучение в университетах ФРГ составляет 200—240 западногерманских марок за семестр, плата за комнату — 80—140 марок в месяц.

³ Во многих университетах ФРГ созданы группы национал-демократического союза высших учебных заведений.

гой стороны, происходил процесс полевения определенной части студенчества, в первую очередь той, которая считала себя социалистически мыслящей. Следует отметить, что начиная с 1961 года, после принятия Бад-Годесбергской программы СДПГ, резко усилились противоречия между студентами, левыми социалистами и правым руководством партии, что привело к разрыву между СДПГ и Социалистическим союзом немецких студентов. Продолжение милитаристского реваншистского курса во внешней политике, резкое усиление авторитарных антидемократических тенденций внутри страны, проявившихся особенно ярко в принятии чрезвычайного законодательства, попустительство официальных властей неонацистским силам — все это в решающей мере способствовало росту во второй половине шестидесятых годов политической активности студенческих масс и усилению влияния Социалистического союза немецких студентов, игравшего определенное время видную роль во внепарламентской оппозиции страны¹.

Следует отметить, что политической активизации студенческого движения в значительной степени содействовало обострение идеологической борьбы на международной арене и в общественной жизни Западной Германии. Успехи социалистических стран и национально-освободительного движения усилили тягу студенчества к марксизму-ленинизму, к революционным теориям современности.

Переплетение вышеназванных экономических, политических и идеологических факторов вызвало серьезный процесс брожения умов, общую атмосферу недовольства, особенно в наиболее критической среде студенческой молодежи, способствовало разворачиванию широкой политической дискуссии среди студенчества. На размах и глубину этой дискуссии влияли, с одной стороны, бесперспективная война США во Вьетнаме, способствовавшая политической и моральной изоляции США на международной арене, а также межимпериалистические противоречия, особенно внутри НАТО, и установление фашистского режима в Греции. И, с другой стороны, определенные сложности в международном коммунистическом и рабочем движении, вызванные прежде всего раскольнической деятельностью маоистской группировки. Таким образом, международная обстановка и национальные особенности в развитии западно-германского общества наложили своеобразный отпечаток на студенческое движение.

Среди студенчества Западной Германии и Западного Берлина активную роль в шестидесятые годы играли политические союзы,

¹ Внепарламентская оппозиция в то время — это ряд самых различных демократических, социалистических и других оппозиционных организаций, характеризующихся антиимпериалистической направленностью.

среди которых имелись как организации левого направления (Социалистический союз немецких студентов, Социал-демократический союз студентов высших учебных заведений), организации консервативного толка (Круг христианско-демократических студентов, отпрыск ХДС — ХСС), а также откровенно правые неонацистские организации, примыкающие к национал-демократической партии.

Внутри левоопозиционного студенческого движения наиболее активные позиции с начала шестидесятых годов занимал Социалистический союз немецких студентов (ССНС). Основанный в 1946 году как организация, близко стоящая к Социал-демократической партии Германии, ССНС постоянно придерживался более левой ориентации, чем официальное социал-демократическое руководство. Подобная позиция союза привела в конце концов к столкновению с лидерами СДПГ. В 1960 году члены ССНС были исключены из социал-демократической партии за отход от партийной платформы и критическое отношение к соглашательской линии СДПГ. Затем ССНС был исключен из Международного союза социалистической молодежи.

Численность союза в 1968 году составляла около двух тысяч человек, однако влияние его распространялось на значительно большее число студентов. По некоторым подсчетам, число его сторонников достигало 20 тысяч человек.

ССНС возглавил во многих университетах ФРГ и Западного Берлина политическую дискуссию по самым острым проблемам современности. Особую роль в разворачивании движений протеста сыграла прежде всего агрессия США во Вьетнаме. Вначале студенты выступали под лозунгами борьбы за мир, но эскалация агрессии показала действительный характер американского империализма. Постепенно антиимпериалистические лозунги студентов-социалистов получали все большую поддержку студенческой массы. Поддержка господствующими кругами ФРГ и Западного Берлина американской агрессии во Вьетнаме способствовала разоблачению международного характера империализма.

Студенческие демонстрации протеста все чаще приходили в столкновение с полицией. Избиения и аресты не испугали, а лишь ожесточили студентов. Они все чаще сталкивались с государственной властью, которая применяла в отношении протестующей молодежи суровые репрессии. Летом 1967 года в ходе этих столкновений западноберлинский полицейский убил студента Бенно Онезорга. В ответ на это в Западном Берлине начались массовые демонстрации студентов, которые перекинулись затем в Западную Германию.

Во время пасхальных демонстраций весной 1968 года в Мюнхене от рук полицейских погибли фотокорреспондент Флинг и студент Шрек. А 11 апреля того же года в Западном Берлине нео-

нацист Бахман совершил покушение на лидера Социалистического союза немецких студентов Руди Дучке. Эти события привели к массовым студенческим демонстрациям. Студенты протестовали против милитаризма и неонацизма, которые отравляют атмосферу общественной жизни страны, против манипуляции общественным мнением, требовали экспроприации газетного концерна Шпрингера, который организовал в печати настоящую травлю студентов.

В развивавшемся движении протеста наметились новые явления. Во-первых, возросшая солидарность рабочих со студентами и студентов с рабочими; после покушения на Руди Дучке во многих больших городах были созданы комитеты рабочих и студентов, которые начали совместную подготовку к первомайским мероприятиям. Во-вторых, усилилась тенденция к совместным действиям всех левых оппозиционных сил.

Уже 12 апреля 1968 года, то есть день спустя после покушения на Дучке, в Западном Берлине был создан Центральный комитет рабочих, учащихся и студентов, в который вошли представители организации социалистической молодежи «Соколов», Социалистического союза немецких студентов, Социал-демократического союза высших учебных заведений, Союза свободной немецкой молодежи, Либерального союза студентов, профсоюзных молодежных организаций, представителей студенческих комитетов всех институтов и университетов, а также Социалистической единой партии Западного Берлина.

За многие годы впервые представители почти всех левых демократических сил (и что особенно важно, студентов-социалистов и рабочих-коммунистов) вместе планировали и проводили демонстрации. Благодаря этому в первомайской демонстрации участвовало более 50 тысяч рабочих, студентов, учащихся, представителей всех слоев населения. На этой манифестации, проходившей под знаком борьбы за демократию, против «чрезвычайного законодательства», прозвучали требования создать единый фронт против неонацизма, за мир, демократию и социальный прогресс.

Майская демонстрация вызвала переполох не только западно-берлинских, но и западногерманских властей: боялись заразительного примера.

Американское информационное агентство ЮПИ писало по этому поводу: в течение 30 лет призрак ходит по Европе. Призрак народного фронта; он материализовался в Западном Берлине.

В Западной Германии также имели место совместные акции коммунистов и студентов-социалистов. В пасхальном походе, самом большом за время существования этих походов, участвовало около 300 тысяч человек, представителей всех демократических сил. В звездном походе против принятия бундестагом «чрезвычайных

законов», состоявшемся в Бонне 11 мая, приняло участие 70 тысяч человек, в том числе около 15 тысяч студентов и впервые — делегации рабочих с крупных предприятий.

Пресса Шпрингера, до сих пор огульно охаивавшая выступления студенческой и рабочей молодежи и призывавшая полицию не жалеть дубинок и брандспойтов, сразу же изменила тактику. Теперь она призвала удовлетворить некоторые претензии студентов (в отношении академических и политических свобод в университете), но ни в коем случае не допускать союза студентов с рабочими, особенно с коммунистами.

Председатель конференции министров культуры земель ФРГ представитель партии ХДС фон Хайдебрек обращал внимание правительства на тот факт, что студенческие требования включают в себя широкий круг вопросов, начиная от демократических свобод до призыва к «полной ликвидации нашего общественного строя». За восемь месяцев 1968 года бундстагу пришлось трижды заниматься проблемами молодежи, что было тоже ново в истории германского империализма. В протокольной записи прений говорилось об «отсутствии будущего» у молодежи, которая не имеет образца, достойного подражания, и не знает, каким путем она должна идти к своему будущему.

Весной 1968 года реваншистская организация «Неделимая Германия» провела большой семинар по вопросу о «кризисе политической ангажированности студенчества». Один из представителей внепарламентской оппозиции заявил присутствовавшим на семинаре министрам и представителям партии в бундстаге: «В ФРГ речь не может идти о кризисе студенчества — это вы, господа, переживаете кризис!»

Иногда спрашивают: почему именно студенческая молодежь (а не другие социальные группы) стала активным ядром движения? Помимо тех факторов, о которых уже шла речь выше, важно также иметь в виду огромную концентрацию и организованность студентов.

Так, например, в Западном Берлине в «свободном» университете учится 15 тысяч студентов, в техническом университете — 12 тысяч, в педагогическом институте — около 6 тысяч. Молодежь нигде так хорошо не организована, как в университете. И нигде идеи не распространяются так быстро, как в высшей школе. И когда мы говорили о влиянии на рабочий класс его концентрации в процессе производства, то это во многом характеризует и положение в университетах. Социологические исследования показывают, что студенчество в ФРГ является наиболее критической и политически активной группой населения. Так, если 67 процентов населения и 58 процентов молодежи считали, что дискуссии повредят общему благу,

то такого мнения придерживались только 34 процента студентов. За уличные демонстрации выступали 62 процента студенчества (но только 46 процентов молодежи и 37 процентов населения. Право на стачки и демонстрации теряется, если возникает опасность нарушения общественного порядка, — считают 46 процентов студентов, 67 процентов населения и 71 процент молодежи. В то время как 52 процента населения поддерживали «большую коалицию», среди молодежи — 41 процент и среди студентов — только 39 процентов)¹.

И еще одно немаловажное обстоятельство. Анализ показывает, что основными зародышами студенческой оппозиции являются факультеты общественных наук, философские и исторические факультеты и институты журналистики. И здесь дело не только в большом объеме политической информации, которую получают студенты этих факультетов. Дело в том, что именно знакомство с историей общественной мысли, с экономическими и философскими теориями современности зарождает у студентов сомнение в моральных ценностях капиталистического общества.

В этом заключается знаменательное явление: как раз там, где студенты подвергаются наиболее массовой идеологической обработке, вызывает самую активную оппозицию. Будущая духовная элита осуждает капиталистический строй.

Буржуазная пропаганда одно время пыталась представить протестующих студентов как жалких отщепенцев общества, завистливых, неудачных, неспособных добиться в жизни успеха. Правая печать в своей пропаганде не жалела самых низменных характеристик в их адрес, от «шизофреников» до «левых фашистов». Однако, познакомившись ближе со своими противниками, некоторые буржуазные наблюдатели изменили свое мнение на кардинально противоположное. Английский журналист Ричард Дэви писал в газете «Таймс» 29 мая 1968 года: «Студенты-радикалы в своем большинстве — одаренные люди. Представление о том, что они неудачники, отщепенцы, люди неспособные к труду и ленивые бездельники, совершенно несостоятельно.

Неудачников может занести на периферию движения, но в большинстве стран его ядро состоит из людей, чьи интеллектуальные способности возвышаются над средним уровнем и могли бы принести им — если бы они использовали их в этих целях — хорошо оплачиваемую работу».

Французский журналист Морис Клавель писал в этот период в еженедельнике «Нуэль обсерватор» о встрече с одним из студентов-оппозиционеров:

¹ «Hochschuldienst», май 1968.

«Молодой человек пришел ко мне три месяца назад. Он был первым при поступлении в крупный научный вуз и был вторым при выпуске, но он все оставил: положение, связи, деньги, родителей — ради метафизических исканий... «Неожиданно я увидел, — сказал он мне, — мою карьеру, мою жизнь, меня охватил почти физический ужас, я заколебался, я отступил...»

В этих высказываниях отражена важная особенность левоопозиционного студенчества: своим отрешением от благ капиталистического общества они личным примером протестуют против бесчеловечности системы, которая духовно поработщает человека. Основоположник Итальянской компартии Антонио Грамши в свое время очень верно подметил эту нарастающую неудовлетворенность интеллекта подавляющей государственной системой:

«Насильственное воздействие государства на отдельного индивидуума возрастает. Возрастает также и контроль одной части над целым и целого — над каждой своей составной частицей. Одни разрешают этот вопрос просто — преодолевают противоречия с помощью вульгарного скептицизма, другие — внешне придерживаются буквы закона. Для многих же вопрос разрешается трагически, ибо это бывает связано с бурным и болезненным взрывом подавляемых чувств и порывов, которые вынужденное социальное «лицемерие» (то есть формальное следование букве закона) притупляет и загоняет вглубь».

Тот факт, что движение студенческого протеста против социальной несправедливости общественного строя охватило наиболее передовую и способную часть молодежи, сам по себе — весьма тревожный симптом для капитализма.

В этот период (1967—1968 годы) западногерманская пресса большое внимание уделяет студенческим лидерам, ставшим во главе Социалистического союза немецких студентов. Газета «Ди вельт» так писала о руководителях ССНС:

«По их собственным словам, они действуют не в соответствии с принципом Ганди — сопротивление без насилия, — а по примеру Маркса, Ленина и Розы Люксембург. Федеральное управление Социалистического союза немецких студентов признает «революционное насилие». Повсеместно оно призвало к выступлениям против газет и типографий¹, провело пресс-конференции, опубликовало по радио и телевидению заявление, а после «демонстраций» подвело также «итог». Кто же эти молодые люди, утвердившие за собой

¹ Здесь «Ди вельт», орган газетного концерна Шпрингера, сознательно не уточняет, что ССНС требовал выступлений именно против газет и типографий Шпрингера, раздувавшего кампанию травли против студентов, запугивая обывателей «студенческим террором».

славу «революционного комитета»? О них мало что известно. Они не стремятся к популярности, так как, по их словам, «они отвергают культ личности» в любом его проявлении. Их необходимо знать и опасаться (разрядка моя. — В. Л.) как членов коллектива, пропагандирующего переворот».

«Ди вельт» выставляет фигуры лидеров студенческой оппозиции на всеобщее обозрение, потому что их «надо опасаться». И как показали события 1967—1968 годов, печать Шпрингера сделала немало для того, чтобы возбудить против студентов злобу и ненависть правых ультра, науськать фашиствующие элементы на их лидеров.

Для нас небезынтересно знать, кто стоял во главе левооппозиционного студенчества.

В 1967—1968 годы председателем Социалистического союза немецких студентов был Карл-Дитрих Вольф. Он родился в 1943 году в семье районного судьи в Гессене. Его дед и прадед были протестантскими пасторами. В возрасте 13 лет он вступил в организацию молодых социалистов (молодежная организация СДПГ). В 16 лет он в течение года находился в США, принимая участие в организации и проведении маршей борцов за гражданские права. После окончания школы он пошел в бундесвер (позднее он осудил этот поступок как «оппортунистический ляпсус»). В 1967—1968 годах он учился на четвертом курсе юридического факультета. Преподаватели высоко отзывались о его способностях. Он хорошо владеет английским, французским и португальским языками. В ССНС Карл-Дитрих Вольф занимался преимущественно организационными вопросами, а не теорией.

Заместителем председателя ССНС был Франк Вольф, брат Карла-Дитриха Вольфа. Он родился в 1945 году. После получения аттестата зрелости учился на музыканта, стал хорошим виолончелистом. Под влиянием старшего брата «полностью» перестроил свою жизнь. Он вступил в ССНС и начал изучать социологию во Франкфуртском университете. Уже на первом курсе известный социолог и философ Теодор В. Адорно отметил большие способности Франка Вольфа в этой области и рекомендовал ему тему для диссертации.

Ганс-Юрген Краль. Официально он был политическим консультантом правления ССНС. Родился в 1943 году. Краль — студент философского факультета на кафедре Теодора В. Адорно во Франкфурте. В 1967—1968 годы был одним из самых влиятельных деятелей ССНС. Во время студенческих выступлений весной 1968 года он руководил всеми мероприятиями ССНС во Франкфурте-на-Майне, организовывал демонстрации, громившие типографии Шпрингера.

Бернд Рабель. Входил в руководство ССНС. Занимался идеологическими вопросами. Он родился в 1938 году. Изучал в университете

Западного Берлина политические и экономические науки. В период студенческих выступлений 1967—1968 годов он отвечал за разработку стратегии движений. Его кредо: «В настоящее время мы отрицаем. Конструктивной программы у нас нет».

По единодушному мнению как сторонников, так и противников левооппозиционного студенчества наиболее колоритной и влиятельной фигурой в период волнений 1967 и 1968 годов был Руди Дучке.

Руди Дучке, 1942 года рождения. Учился в «свободном» университете Западного Берлина, изучал социологию. Впервые он приобрел популярность в конце 1966 года, когда стал выступать с резкими речами против боннской «большой коалиции», с призывом создать внепарламентскую оппозицию. Когда Социалистический союз немецких студентов стал ведущей силой студенческого движения протеста, Руди Дучке стал его главным идеологом. На формирование мировоззрения Дучке наложило несомненный отпечаток изучение произведений классиков марксизма-ленинизма. Но, подобно другим студенческим лидерам, он увлекся теориями Мао Цзэдуна и Герберта Маркузе. Решительно отвергая капиталистическую систему, Руди Дучке в то же время отказывался связать себя описанием того общества, какое он хотел бы видеть, поскольку это означало бы нечто статичное и организованное. Он говорил только о необходимости постоянного изменения, развития и политической сознательности.

Схема рассуждений Дучке выглядела следующим образом.

Поскольку рабочий класс интегрирован в систему государственно-монополистического капитализма (который он называет «поздним капитализмом»), только студенчество может быть подлинно революционной силой. Своими демонстрациями они должны привлечь внимание общественности на политические проблемы, чтобы привлечь ее для участия в движении.

Дучке и его сторонники рассматривают крупные города как «джунгли». Постоянно сравнивая себя с партизанами, Дучке и его приверженцы переоценивают размах и значение своих действий. Противоречивость мышления Дучке, явное влияние на него анархистских, троцкистских и маоистских идей рождали псевдоревolutionные лозунги.

Определенные группы студентов, находившиеся под влиянием Дучке, провозглашая борьбу с авторитаризмом, по существу, выступали против всякой организованности. Вместо конкретных лозунгов изменения политики они заявили, что в Западном Берлине существует революционная ситуация, и выдвинули лозунг «Вся власть советам!». Подобные заявления не учитывали реальной обстановки и уровня массового движения и, естественно, не могли найти отклика среди населения, в том числе и среди рабочего

класса. «Левачество» студентов неизбежно вело к их изоляции. Однако они относили это не на свой счет. Тот факт, что рабочие не последовали их призыву «строить баррикады», дал им очередной повод говорить о «трусости» рабочих, которые не заинтересованы в ломке существующей системы. Так замыкался порочный круг «левачества»: революционаризм в теории вел к авантюризму на практике, революционаризм на практике подкреплял авантюризм в теории. И хотя лидеры студенческого левачества были не прочь поговорить о том, что марксизм-ленинизм устарел, их собственные изыскания не отличались оригинальностью, и они повторяли лидеры леваческой оппозиции двадцатых годов.

Давая анализ студенческого движения 1967—1968 годов, представитель Социалистической единой партии Западного Берлина товарищ Бруно Кустер заявил:

«Любопытно, что повторяется политическая и идеологическая борьба, имевшая место на предыдущих стадиях революционного рабочего движения. Дело обстоит так, что можно сказать: «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» является практическим учебником для многих в Западном Берлине сегодняшнего дня. Выдвигаются тезисы о самостоятельности масс, и некоторые выступают, как они сами говорят, против всяких авторитетов. Они выступают против основы пролетарской борьбы, против демократического централизма. Мы считаем необходимым вести серьезную идеологическую борьбу именно по этим вопросам, чтобы завоевать большинство разумных сил и изолировать леваческие силы».

В конце 1968 года и в 1969 году в Социалистическом союзе немецких студентов усилились противоречия между различными политическими направлениями. Проповедь открытого «левачества» в теории и применение анархистских методов на практике привели к бурной дискуссии внутри ССНС, в результате которой союз раскололся на несколько групп. Руководство союза, оказавшись в изоляции от основной массы членов, заявило о самороспуске Социалистического союза немецких студентов. Однако в различных университетах ФРГ и Западного Берлина по-прежнему существуют группы ССНС, взгляды и действия которых определяются все тем же кругом идей, высказанных Руди Дучке и его последователями. Сам Дучке после тяжелого ранения в голову долгое время находился на излечении и отдыхе, а потом отошел от активной политической деятельности и уже не является лидером нынешнего левооппозиционного студенчества. Тем не менее идеи, высказанные им, по-прежнему имеют хождение среди определенной части студенчества. Вот почему задача критического разбора его взглядов по-прежнему остается весьма актуальной. Популярность Дучке и его идей во многом объясняется тем, что именно он наиболее полно и ярко отразил на-

строения протеста, авангардизма и стихийности левооппозиционного студенческого движения в Западном Берлине, ФРГ и некоторых других странах Западной Европы.

Объективные причины появления левацких настроений среди части студенчества и субъективные черты Дучке как наиболее популярного выразителя этих настроений, выдвинули его на первый план в роли идеолога «левачества». Именно поэтому идеи Дучке пережили его личную популярность. И когда мы сегодня даем критическую оценку тех или иных положений, высказанных Дучке, то мы тем самым опровергаем не его личные взгляды, а те идеи, выразителем которых он был и живучесть которых подтверждается реальными фактами сегодняшней действительности.

Взрыв студенческого недовольства во Франции.

Когда ночью 15 мая 1968 года французские студенты захватили парижский театр «Одеон», над ним были подняты два флага: красный и черный. В этом факте как бы символически отразился противоречивый характер студенческих выступлений.

Майское студенческое движение во Франции было направлено против отсталой и социально несправедливой системы высшего образования, против ущемления общедемократических и академических свобод, и здесь оно сливалось с движением французских трудящихся, выступивших под красным знаменем рабочего класса против социально-экономической политики монополистических кругов. Но среди студентов с самого начала действовали группы маоистов и анархистов, сознательно толкавшие студенческую массу на неподготовленные, а зачастую и прямо провокационные выступления против властей и полиции. Это они размахивали черными знаменами анархии, объявляя всеобщую войну существующему «порядку вещей», а заодно и вообще всякому порядку.

Борьба этих двух тенденций среди французского студенчества не только наложила отпечаток на все движение, но и имела серьезные политические последствия в будущем.

Как же развивались события в мае — июне 1968 года? Следует прежде всего отметить, что, хотя нас в первую очередь интересует развитие студенческих выступлений, их нельзя рассматривать в отрыве от широкого движения французских трудящихся и особенно рабочего класса, развернувшегося в этот период. 1 мая в Париже впервые после 12 лет запрета состоялась мощная демонстрация рабочих, всколыхнувшая весь город. В эти дни группы правых эле-

ментов развивают бурную провокационную деятельность, стремясь вызвать столкновения рабочих и студентов с полицией. Члены фашиствующей организации «Запад» подожгли одно из помещений студенческих профсоюзов Сорбонны. В ответ на демонстрацию протеста, организованную студентами, полиция вторглась на территорию университета и применила силу, разогнав собравшихся студентов. Это было неслыханным нарушением норм и привилегий университетской жизни и прямым провокационным вызовом со стороны властей. Однако на этом события не закончились, и полиция заняла Латинский квартал.

Вряд ли эти действия властей можно квалифицировать иначе, чем провокацию. Латинский квартал — сердце студенческого Парижа... На десятках старинных маленьких улочек разбросаны факультеты и институты Сорбоннского университета. Без малого сто тысяч студентов стекаются ежедневно в свои факультеты. По традиции Латинский квартал — прибежище студенческой вольницы. Когда же полиция заняла его улицы, это вызвало возмущение студентов.

Иногда задают вопрос: насколько сильно было влияние левацких элементов среди французских студентов и чем объяснить такой размах волнений в университетах? Мы уже говорили довольно подробно о тех объективных социально-политических причинах недовольства, которое зрело среди студенчества. Однако та сила, с которой вдруг стала раскручиваться пружина всеобщего возмущения, была неожиданной как для властей, так и для многих политических обозревателей. Позднее было приведено немало объяснений тому, что произошло, часто противоречивые и взаимоисключающие; были расставлены акценты, которые придавали событиям характер, удобный их интерпретаторам. Буржуазная печать, конечно, постаралась замазать социальные корни студенческого недовольства. Но все это было позднее. А в первые дни почти всеобщей реакцией было удивление и растерянность. Вот как, например, рисовал атмосферу тех дней журнал «Экспресс»:

«Как и все важные события, это восстание удивило всех, начиная с тех, чья профессия заключается в том, чтобы предвидеть. И все увидели, как бешено мечутся стрелки компаса правительства, университета, общественности. В самом деле, вначале были лишь слова — слова маленьких левацких групп прокитайского университета Нантера. Могучие умы не тревожились: можно изолировать «бешеных», исключить, в случае надобности, зачинщика Даниэля Кон-Бендита, который, весьма кстати, является иностранцем, и на него можно взвалить все грехи. Предполагали, что масса «разумных» студентов не последует за ним. Она последовала. Было немислимо, чтобы студенческое профсоюзное движение — Национальный союз студентов Франции — возродилось из пепла. Оно возродилось.

Было невероятно, что профессорско-преподавательский состав в своей значительной части присоединится к движению. Он присоединился. Но уж во-всяком случае невообразимо, чтобы общественность сочувствовала. Она сочувствует».

Подобному развитию событий во многом способствовали действия властей и полиции. Решение о закрытии Сорбонны и насильственном устранении оттуда зачинщиков студенческих волнений вызвало взрыв возмущения даже у тех, кто вначале занимал выжидательную позицию. Когда на территории университета начались облавы и на глазах у студентов их товарищей бросали за решетки полицейских машин, все это только усилило недовольство и сплотило студентов. Кон-Бендит и его сторонники приобрели известность и для многих были окружены ореолом «героических личностей». Буржуазная пресса была полна таких признаний: «Полицейские дубинки сплотили студенческую среду, где еще за несколько дней до этого царил полный раскол». Движение протеста охватывает почти все вузы Парижа и провинции. Студенты заняли университетские помещения в Тулузе, в Гренобле, Бордо, в Лилле и Нанте. Повсеместно применялся бойкот лекций. По оценкам наблюдателей число протестующих в начале мая составляло несколько сотен человек, а к 14 мая возросло до 30 тысяч. Еще больше было сочувствовавших, к которым относилось большинство всего студенчества.

7 мая студенческие организации призвали к забастовке. Студенты требовали вывести полицию и открыть факультеты. Власти не шли на уступки. Стычки нарастали. В ночь с 10 на 11 мая развернулась настоящая битва между полицией и студентами.

В Латинском квартале были построены баррикады. Булыжник вновь стал классическим оружием взбунтовавшихся студентов. Полиция применила слезоточивый газ и дубинки. Десятки человек были ранены, сотни — арестованы. В ряде случаев слезоточивый газ привел к временной потере зрения. Возмущение действиями полиции приобрело всеобщий характер. На выручку студентам пришли рабочие. 13 мая профсоюзы объявили всеобщую 24-часовую забастовку и манифестацию протеста.

Это событие имело принципиальное значение как для студенческого движения, так и для дальнейшего развертывания экономической и политической борьбы французских трудящихся. Вопреки всем левацким выкрикам об обуржуазивании пролетариата организованный рабочий класс Франции выступил против гнета монополий и проявил свою солидарность с движением студентов. Сотни тысяч рабочих прошли по улицам Парижа с транспарантами «Трудящиеся, преподаватели, студенты солидарны». Забастовки рабочих приняли острые формы. 14 мая 1968 года две тысячи металлистов завода «Сюд Авиасьон» в департаменте Атлантическая Луара заняли за-

водские цехи. Их примеру последовали рабочие автомобильных заводов «Рено» в Клеоне, Флене, Мансе и в Булонь-Бийанкуре. Интересно отметить, что, несмотря на поддержку, оказываемую в эти дни студентам, рабочие, как правило, не допускали их в свои цехи, чтобы избежать каких бы то ни было провокаций. А провокации вполне могли иметь место, так как среди студентов уже активно действовали самые различные левацкие группы, призывающие к насилию.

В это время широко распространяются левацкие призывы к установлению «студенческой власти» в университетах и «рабочей власти» на предприятиях. Один из лидеров Национального союза студентов Франции Жак Соважо выступил 14 мая с таким заявлением: «Сейчас речь идет о том, чтобы ликвидировать буржуазный университет, создавая комитеты действий, объединяющие одновременно студентов и трудящихся, чтобы изучить меры, которые надлежит принять».

Он же активно пропагандировал лозунг «Фабрики — рабочим, университеты — студентам!». При этом ни Соважо, ни его сторонники не говорили, кому должны принадлежать средства и государственная власть в стране. В таких условиях призывы к самоуправлению, к захвату предприятий и университетов могли лишь ввести в заблуждение бастовавших рабочих и студентов. Но левацкие агитаторы не нашли поддержки среди рабочих. В эти бурные дни рабочий класс Франции проявил свойственную ему боевитость, выдержку и организованность и не дал увлечь себя провокационными выкриками слева.

В этот период особую активность проявили члены левацкой группы «Движение 22 марта», возглавлявшиеся Даниэлем Кон-Бендитом.

Даниэль Кон-Бендит приобрел в период майских событий, пожалуй, наибольшую известность среди всех студенческих вожakov. 1945 года рождения, по национальности немец, он как сирота в это время получал пособие от властей ФРГ и изучал социологию в Сорбонне. Весной 1968 года он быстро завоевал популярность своими выступлениями, в которых говорил о необходимости разрушить буржуазное общество и применить насилие против «центров эксплуатации». Он отвергал какой-либо конкретный идеал в общественном отношении и ратовал за непрерывную революцию. Его выступления были напичканы отрывками самых противоречивых идей и концепций, но наибольшую приверженность он обнаружил к насилию и анархии. «Сила нашего движения именно в том и состоит, — заявил в те дни Кон-Бендит, — что оно опирается на «неконтролируемую» стихийность, которой оно дает толчок, не пытаясь ввести в русло или обратить в свою пользу те действия, которые оно вызвало

к жизни». Кон-Бендит и его сторонники заявили, что их главная цель в данный момент — опрокинуть режим.

Они строили баррикады, вязывались в драки с полицией, разбрасывали листовки, в которых призывали к немедленным выступлениям против существующей системы. При этом их мало интересовала готовность студентов идти на баррикады. Кон-Бендит и его сторонники рассчитывали зажечь остальных своим примером. Именно в это время пышным цветом расцветают всевозможные анархистствующие группировки. Они выступали не просто против существующей власти, а против любой власти, против любых порядков. Объектом их ненависти явились достижения цивилизации, с которой они хотели покончить раз и навсегда. Чем, как не этим, объяснить неоправданный разгул самых необузданных страстей, когда разбивались вдребезги витрины магазинов, переворачивались и поджигались автомашины, уничтожались деревья на бульварах и подвергались порче картины в музеях. В те бурные дни безудержного протеста и всеобщего разрушения кое-кто призывал уничтожить Пантеон, где погребены великие французы — Вольтер, Руссо, Гюго, Марат, Жорес. Некоторые исторические памятники были осквернены хулиганскими надписями. Среди маоистских групп раздавались крики о низвержении «бастионов буржуазной культуры». Не удивительно, что буржуазные газеты, французское радио и телевидение подхватили все эти выкрики левацких элементов и в своих комментариях стали страшать обывателя грядущей анархией по примеру Китая. Так, газета «Франс-суар» опубликовала 15 мая статью под заголовком «Во французском университете происходит культурная революция на китайский лад», в которой сообщалось:

«Так же как в Нантере, на факультете естественных наук Парижского университета группы студентов обосновались прочно: они ночуют в спальных мешках и, просыпаясь, организуют группы и комитеты по обсуждению будущего университета.

Почти повсюду появляются в амфитеатрах стенные газеты в лучшем стиле китайской «культурной революции». На факультете естественных наук имеется даже «комиссия бдительности против политической подрывной деятельности», ибо молодые бунтари французского университета отвергают попытки «возврата к прежнему», которые предпринимают старые традиционные партии».

Обрисовав положение во французских университетах, где структура существования не менялась со времени Наполеона, газета делала главный вывод:

«Сегодня бунтари Нантера и Сорбонны ставят под сомнение уже не только организацию университетов. Молодежь, которую считали аполитичной, отвергает не только старый университет, но и правила жизни нашего общества».

Итак, буржуазное отечество в опасности! Таков был вывод буржуазной прессы, которая ударила во все барабаны, запугивая обывателя студенческой революцией. В этих условиях каждая экстравагантная выходка Кон-Бендита, каждое воинственное заявление левацких крикунов носило прямой провокационный характер, ибо давало в руки буржуазной пропаганды козыри для раздувания антикоммунистической истерии в стране и принятия антидемократических мер. По существу, многие правые в лагере буржуазии были готовы даже подыграть провокационным действиям леваков, чтобы взвинтить настроения нервозности, опасений и страха, которыми была охвачена значительная часть населения. В этой обстановке правым легче было найти предлог для разгрома демократических институтов страны.

Волна анархии, которую подняли левацкие элементы, разъединяла интеллигенцию и рабочий класс. И она же играла на руку буржуазии, содействуя сдвигу вправо. Если бы не твердая и решительная позиция французского рабочего класса и его боевого авангарда — Французской коммунистической партии, которые не позволили левацким элементам втянуть в провокацию широкие массы трудящихся, в стране могли бы произойти крупные беспорядки, чреватые самыми серьезными политическими последствиями. Вопреки голословным утверждениям левацких лидеров о готовности масс к революции соотношение классовых сил в стране было совершенно иным.

Значительная часть населения, в том числе и определенные слои рабочих, опасалась гражданской войны, которая в случае ее возникновения могла легко привести к военной диктатуре и жестоким репрессиям против рабочего движения. Руководители Французской коммунистической партии в те дни неоднократно приводили слова Ленина о пагубности «левачества» и псевдореволюционной «фразы». Дальнейшие события полностью подтвердили справедливость и верность позиции французских коммунистов.

Французская коммунистическая партия всегда уделяла большое внимание проблемам молодежи, как рабочей, так и студенческой. Этот интерес французских коммунистов к молодому поколению не имел ничего общего с конъюнктурной модой на студентов, которую вдруг обнаружили многие партии и институты. Если последние весной 1968 года стали заигрывать с молодежью и заискивать перед студенчеством, то это во многом объяснялось требованиями момента: студенческий «бунт» напугал не только отцов семейств, но и отцов государства! Испугавшись протеста молодых, буржуазия и ее приспешники стали льстить студентам. Те, кто был виновен в пороках системы высшего образования, вдруг «прозрели» и задним числом стали выражать свои симпатии студентам.

Причем самое любопытное было в том, что многие органы буржуазной печати делали комплименты студентам за то, что они пробудили рабочий класс. Назначение лести — вскружить голову. На этот раз политическая лесть должна была заставить молодежь потерять голову на баррикадах идеализма и анархии. Единственная партия, которая в эти дни не льстила студентам, а говорила с ними языком мужественной правды, была партия французских коммунистов. Проблемы студентов не были для них «terra incognita». Еще в сентябре 1966 года комиссия по проблемам высшего образования при ЦК ФКП разработала проект демократической реформы высшего образования. В этом проекте были вскрыты классовые корни неравенства, господствующего во французском университете, и были вскрыты основные проблемы неустройства многих студентов и их неуверенности перед будущим (трое из четверых не заканчивают высшей школы, рост числа «дипломированных безработных»). Структура высшей школы нуждалась в том же преобразовании, что и структура всего общества. Но этого преобразования можно было достигнуть только в результате объединенной борьбы рабочего класса, студентов, всех демократических сил Франции, борьбы, сложной и кропотливой, исход которой решает соотношение реальных политических сил, а не модная фраза.

В ходе майско-июньских событий коммунисты с честью прошли все испытания, хотя зачастую они оказывались под перекрестным огнем как правой буржуазной печати, так и «ультралевых» из числа прокитайских и троцкистских элементов. Последние старались всеми способами дискредитировать политику французских коммунистов, обвиняя их в отказе от «дела революции».

Член Политбюро ФКП Поль Лоран писал по этому поводу 31 июля 1968 года:

«Здесь и там, поскольку левацким группам удалось повлиять на некоторую часть студентов, нам говорят: «Вы — против студентов». Но как раз наоборот, помогать студентам освободиться от теории и форм борьбы, которые ведут лишь к изоляции и заводят в тупик, — значит быть на стороне студентов. А главное, ограждать рабочее и демократическое движение от политического авантюризма — значит помогать ему. Недавнее движение со всей очевидностью показало опасность этого политического авантюризма... Левацкие группы и их сторонники из Объединенной социалистической партии (ОСП) всячески стараются извратить подлинное значение майско-июньской борьбы. Они считают, что тогда ситуация была революционной. Надс было повести борьбу, чтобы покончить с капитализмом.

Между тем этого нельзя сказать ни о забастовке девяти миллионов трудящихся, которая отнюдь не ставила перед собой этой

цели, ни о преподавателях и студентах, которые, даже если и говорили о революции, лишь очень редко определяли, что именно скрывалось за этой формулой. Было, конечно, очевидно, что часть тех, кто включился в борьбу, проявляла определенное желание поставить под угрозу деголлевский режим. Коммунистическая партия не только поддержала эту борьбу, но и возглавила ее, организовала ее. Напомним, что в самый разгар борьбы были созданы комитеты за народное правительство демократического союза с участием коммунистов.

Но понимать возможности подъема демократического движения в ходе борьбы за удовлетворение требований трудящихся — это одно. отождествлять же эту борьбу в целом с революционной борьбой — это, по крайней мере, грубая ошибка. Хуже того, это означает систематическое стремление извращать ее значение, вести ее к авантюре.

Исходя из этого, левачьи группы развернули целый ряд манифестаций, провокационный характер которых мы должны были изобличать и осуждать».

Левачьи наскоки на линию ФКП лишь подтверждали ее верность. Состоявшийся в декабре 1968 года в Шампинье пленум ЦК ФКП полностью подтвердил линию руководства партии и принял манифест «За передовую демократию, за социалистическую Францию», в котором подчеркивалась необходимость совместной борьбы трудящихся физического и умственного труда против власти монополий.

Классовые битвы во Франции в мае — июне 1968 года, в которых участвовало девять миллионов бастующих, нашли высокую оценку международного коммунистического и рабочего движения. Повсеместно отмечалось, что благодаря верному и твердому руководству Французской коммунистической партии рабочее движение в послемайский период не только не пошло на спад, а, напротив, продолжало нарастать. И это обстоятельство решительно опровергало все старые и новые теории о неспособности рабочего класса играть в наше время революционную роль.

Об идейном родстве

Марксизм устарел, — заявляют буржуазные идеологи и в доказательство приводят рассуждения о «народном» капитализме, о государстве «всеобщего благоденствия», в котором «исчезает классовая борьба».

Как люди, чьи пороки изобличены во всеуслышанье, буржуа страстно ненавидят Маркса-изобличителя. Их ненависть, как всякое классовое чувство, можно понять, но это отнюдь не аргумент в пользу устарелости марксизма. «Учение Маркса всеильно, потому что оно верно». Эти ленинские слова сохранили свою актуальность и в нашу эпоху, поскольку сохранилась суть капитализма: извлекать из труда рабочего максимальную прибыль. И тот факт, что буржуа за прошедшие десятилетия научился грабить более «интеллигентно» и раздевает свою жертву не по принципу прародителей до исподнего, а оставляет кое-что из гардероба, ничего не меняет в самой природе его занятий. Но ему страсть как хочется, чтобы теперь это называлось по-иному, не так грубо и прямолинейно, и Маркс тут был бы ни при чем.

И буржуа подзадоривают своих интеллектуалов: чем вы хуже коммунистов, придумайте-ка что-нибудь свое. И вот, становясь в позу к буржуазии, осуждая ее эксплуататорский характер, критики капитализма тем не менее объявляют Маркса и его продолжателей устаревшими. Взамен они предлагают свое учение, более «современное», которому ни Маркс, ни русская революция не указ.

Зсвороженные оригинальностью собственного мышления, они не замечают, как под огнем их «убийственной» критики буржуа радостно потирают руки.

Герберт Маркузе и его молодые последователи, идеологи студенческого радикализма, полагают себя новаторами, заявляя, что Маркс и Ленин устарели. Но на проверку оказывается, что устаревшими являются аргументы, которыми оперируют критики марксизма-ленинизма.

В свое время «революционные» вожди II Интернационала, вроде Каутского в Германии, Отто Бауэра и Фридриха Адлера в Австрии, тоже отрицали международное значение русской революции. И делалось это, как писал Ленин, «под соусом «защиты» идеи «всемирной революции». Отвечая критикам большевизма, которые не хотели признать его международную значимость, Ленин подчеркивал, что «некоторые основные черты нашей революции имеют не местное, не национально-особенное, не русское только, а международное значение».

Ленин считал нужным указать на тесное единство и преемственность большевизма с марксизмом, ибо в этом он видел доказательства их жизненности и приемлемости для других стран и народов.

Ленин писал в работе «Детская болезнь «левизны» в коммунизме»:

«...Большевизм возник в 1903 году на самой прочной базе теории марксизма. А правильность этой — и только этой — революционной теории марксизма доказал не только всемирный опыт всего XIX века, но и в особенности опыт блужданий и шатаний, ошибок и разочарований революционной мысли в России...

Марксизм, как единственно правильную революционную теорию, Россия поистине выстрадала полувековой историей неслыханных мук и жертв, невиданного революционного героизма, невероятной энергией и беззаветностью исканий, обучения, испытания на практике, разочарований, проверки, сопоставления опыта Европы».

И если сегодня мы вновь возвращаемся к ленинским положениям, выверенным не только революционной практикой 1903—1917 годов, но и всей последующей историей, то не потому, что мы хотим оказать особую честь нынешним идеологам «левачества». Это необходимо сделать для того, чтобы показать идейное родство нынешних «леваков» с их более ранними предшественниками. Это важно и для того, чтобы вскрыть, несостоятельность и вредность левацких теорий, которые по-прежнему имеют хождение среди некоторой части студентов.

Никто не собирается навязывать своей практики или теории нынешним «левакам». Они, как и все, имеют полное право набивать свои собственные шишки, блуждая в потемках буржуазного индивидуализма. Свои шишки каждому особенно дороги. И видимо, неизбежен горький опыт блужданий и шатаний, ошибок и разочарований для тех, кто презрительно относится к революционной теории марксизма-ленинизма, считая ее старомодной, устаревшей или отжившей. Великодушно признавая отдельные положения этой

теории и даруя им жизнь в современный период, они в то же время хотят сказать свое собственное веское слово в революционной теории и практике. Что ж, намерение вполне похвальное.

Жаль только, что из этих «новых» изысканий торчат потрепанные уши Бакунина, Троцкого и их более поздних последователей.

Говоря о новой вспышке «левачества» и о его идейных предшественниках, мы имеем в виду в данном случае не само рабочее движение, а тяготеющий к нему будущий предпролетариат в лице демократического студенческого движения, в среде которого развивается ультралевый экстремизм. Изменение социальной функции студенчества приводит последнее в противоречие с капиталистическим обществом и ставит его в ряды союзников рабочего класса. Вследствие этого левоопозиционное студенческое движение склонно не только воспринимать положительный опыт революционного движения, но и его определенные ошибки, особенно характерные для начального этапа.

Член Политбюро Коммунистической партии Дании товарищ Нёрлюнд отмечал.

«Если даже революционное пролетарское движение имело свои «детские болезни», то совершенно понятно, что новые, активизирующиеся слои тоже имеют такие «детские болезни».

Отсюда непреходящее значение ленинской критики «левого доктринерства», блестящим образцом которой является работа «Детская болезнь «левизны» в коммунизме». Знание ленинских положений и его аргументации в борьбе с «левыми доктринами» в двадцатых годах помогает яснее и четче определять опасные тенденции «левачества» в отдельных отрядах международного революционного движения наших дней.

Именно это имел в виду товарищ Лео Фигер, который писал в своей работе «Левачество» вчера и сегодня:

«Таким образом, «левачество» не является чем-то временным, преходящей лихорадкой, оно является постоянным искушением движения. И тот факт, что партия рабочего класса благодаря своей организованности и дисциплине, своей системе воспитания и подготовки кадров почти излечилась от «детской болезни», не означает, что не существует объективных причин для повторения этой болезни в новых формах, приспособляющихся к изменяющимся условиям действительности».

Ниже мы покажем, как детская болезнь «левачества» проявляет себя в новых формах в демократическом студенческом движении в странах капитала.

Авангард революционного движения: студенты или рабочие!

Казалось бы, сама постановка вопроса излишня. Для всякого мало-мальски грамотного марксиста азбучной истиной является руководящая роль рабочего класса в мировом революционном процессе. Но в данном случае нам приходится иметь дело не с марксистами, а с так называемыми неомарксистами, которые под предлогом развития великого учения занимаются его ревизией. Если при этом учесть, что студенчество, бунтующее против капитализма, часто усваивает марксизм-ленинизм не из первоисточников, а из вторых рук господина Маркузе, то многие азбучные истины предстают перед студентами в искаженном, а то и вовсе подмененном варианте.

Вот как это выглядит на практике. Мы уже говорили о теории Герберта Маркузе, согласно которой рабочий класс якобы интегрируется в капиталистическую систему. Происходит это, по мнению Маркузе, потому, что в «индустриальном обществе» исчезает социальная нищета. Рабочие добились определенных уступок от предпринимателей. Их жизненный уровень выше, чем был в начале века, и достаточно высок для того, чтобы им было что терять, кроме своих цепей (например, приличную работу, квартиру, телевизор, иногда машину и т. д.). Следовательно, развивает дальше свою теорию Маркузе, рабочий уже чувствует свою принадлежность к «обществу всеобщего благоденствия» и не желает выступать против него как такового (то есть интегрируется в это общество). Процессу интеграции способствует вся система идеологического манипулирования, которая отравляет сознание рабочего ядом приспособленчества. Интегрированный пролетариат утрачивает свою революционность, и его прежняя роль авангарда революционного движения переходит к неинтегрированным слоям: массам людей «третьего мира» и в странах развитого капитала — студентам и отверженным элементам. Итак, согласно Маркузе, рабочие теряют свою революционность, но ее обретает студенчество, которое ныне олицетворяет надежду для всех отверженных. Престарелый философ подыгрывает тщеславию студенческих идеологов, предлагает им развивать дальше марксизм и вносить социалистическое сознание в среду рабочих. И Руди Дучке охотно берет на себя эту роль и не без претензии на оригинальность заявляет:

«Мы против любой догматизации марксизма, ибо он представляет собой творческую науку, которая на основе критического метода диалектики должна изучать любую новую действительность,

должна черпать из нее категории для понимания каждого конкретного явления в настоящем».

Конечно, для студентов, которые знают о марксизме понаслышке, да и то больше из уст Герберта Маркузе и иже с ним, Дучке выглядит борцом против догматиков (а в их роли буржуазная пропаганда уже давно постаралась выставить коммунистов). Для тех же, кто знаком с марксизмом-ленинизмом, более основательно, подобные претенциозные заявления Дучке и других кажутся по меньшей мере наивными и неуместными. Вместо того чтобы ломиться в открытую дверь, стоило бы лучше вспомнить Ленина, который применительно к новым историческим условиям развил теоретическое наследие Маркса и Энгельса. «Мы вовсе не смотрим на теорию Маркса как на нечто законченное и неприкосновенное, — писал Ленин, — мы убеждены напротив, что она положила только краеугольный камень той науки, которую социалисты должны двигать дальше во всех направлениях, если они не хотят отстать от жизни». Но творческое развитие марксизма обеспечивают коммунистические и рабочие партии, вооруженные глубокими знаниями революционного учения, а не политически неопытные и идейно незрелые идеологи студенческого радикализма. Но последние не согласны с таким подходом и претендуют на роль теоретиков «неомарксизма».

Руди Дучке не приемлет капитализм, он против него и разделяет учение Карла Маркса. Однако он пытается дать свою трактовку развития рабочего движения (после Маркса), и постепенно претенциозность студенческого идеолога ведет его к искажению действительности и неверным выводам. Справедливо критикуя реформизм правой социал-демократии в Германии в 1918 году, которая, по существу, предала интересы немецкого рабочего класса, Дучке постепенно переносит эту критику на весь рабочий класс и приходит к выводу о слабости и пассивности рабочего класса: «Несостоятельность рабочего движения во время глубокого кризиса после первой мировой войны весьма ясно показала, что самым большим препятствием на пути к революции была не столько непосредственная сила буржуазии, сколько неожиданная слабость и бесперспективность самого пролетариата».

Подобные пассусы Дучке так же далеки от истины, как и ⁴ оригинальности. От них за версту веет троцкистскими рассуждениями о «полной пассивности масс» и неизбежном «провале всех попыток преодолеть летаргию народа». На месте Дучке было бы честнее прямо сослаться на оригинал. Ведь не кто иной, как Троцкий именно в те годы проповедывал теорию «реакционности рабочего класса» и все надежды возлагал на «революционную молодежь» и особенно студенчество. Через полвека эти взгляды распро-

страняют не только нетерпеливые дучке, кон-бендиты, лефевры и рабели, но и... крупный капитал. Да-да, тот самый крупный капитал, против которого самозабвенно выступают идеологи «левачества».

Во время франкфуртской книжной ярмарки 1969 года можно было видеть во всю ширину улицы на протяжении сотен метров у подъездов к территории ярмарки огромные транспаранты: «Троцкий: молодой Ленин. Издательство «Мольденферлаг» (Вена — Мюнхен — Цюрих)». В предисловии к этой книге Вальтер Фишер превозносит троцкизм, клеветает на ленинизм и льстит студенческому авангардизму. В полном соответствии с Маркузе и Дучке автор утверждает, что и сегодня в большинстве развитых индустриальных государств рабочие интегрированы в господствующую систему и «проявления студенческого мятежа не в последнюю очередь свидетельствуют об отчаянии, связанном с тем, что до сих пор почти нигде не удалось привести широкие массы трудящихся в революционное брожение.

Стоило бы задуматься нашим левым громовержцам над тем, почему их взгляды так охотно рекламирует буржуазная пропагандистская машина!

Ларчик раскрывается просто: несмотря на весь р-р-революционный запал левацких лидеров, они вполне устраивают буржуазию, во-первых, путаностью своих теорий и, во-вторых, антикоммунистической направленностью своего ревизионизма.

Начав с критики реформизма правой социал-демократии, Дучке в погоне за «надпартийной объективностью» обрушивается с нападка на Компартию Германии, которая-де подпала под «полную зависимость от Коминтерна и от КПСС». Став в оппозицию к буржуазии, Дучке скатился к обычным злопыхательствам ее собственной пропаганды. Он уже недоволен не только «пассивностью рабочего класса», но и видит противоречие в том, что рабочий класс может быть организован и революционизирован лишь своим авангардом, коммунистической партией, и тезисом «Освобождение рабочего класса может быть делом только самих рабочих».

Симпатии Дучке на стороне «наступательной стратегии» левых уклонистов в Коминтерне (Г. Лукаш, А. Тальхеймер и др.).

Он обижен ленинской критикой в адрес своих левых предшественников и посему попытается преуменьшить величие ленинского мышления.

По Дучке, марксизм как «теория познания революционной воли» уже при Ленине превращается в государственный миф, в догму.

Дучке, яростно выступающий против буржуазии, против манипуляции общественным мнением со стороны магнатов финансового капитала, сам становится жертвой многолетних усилий «буржуазных

отравителей колодцев», распространявших ложь и клевету против коммунистов. Парадоксально, достойно сожаления, но факт. Для будущего историка, возможно, это явится еще одним доказательством оболванивающего всесилья массовых средств информации, концентрированно направляемых буржуазией против ее основного классового врага — пролетариата и его авангарда — коммунистов.

Разбирая теорию Маркса о накоплении капитала, Дучке самоуверенно заявляет, что никто, в том числе и Ленин, не уделил внимания «проблеме государственного вмешательства в социально-экономический процесс» и не учел, таким образом, важных изменений в последующем развитии капитализма (в частности, в освещении роли акционерных обществ). В результате, по Дучке, в период кризиса, возникшего после мировой войны, не смогла быть выбрана исторически-материалистическая теория революционного преобразования. «Некритическое следование «апробированным формулам» классиков, — сокрушается наш «философ», — низводит революционную борьбу до степени бессмысленной практики и слепого активизма».

Трудно сказать, чего больше в этих заявлениях — самоуверенности или презрительного отношения к читателю, на полноту политическую малограмотность которого априори рассчитывают лидеры «левачества». Прямо скажем, малопочтенное занятие так искажать истину! Кто, как не Ленин в «Империализме, как высшей стадии капитализма» и других своих работах дал исчерпывающий анализ развития государственно-монополистического капитализма и влияния этого процесса на все стороны жизни капиталистического общества!

Что же касается последнего замечания Дучке о «некритическом следовании классическим формулам», то со времени древних греков известно, что не всякая критика несет в себе разумное начало и нередко желание перекричать свидетельствует о нехватке аргументов. А многие действия ревностных почитателей нашего «идеолога» уже не раз доказали, что при всем их «критическом отношении к действительности» они успели обогатить революционную борьбу лишь многочисленными примерами «бессмысленной практики или слепого активизма». Ибо нет пользы от критики ради критики, от протеста ради протеста! Их смысл лишь в четкой классовой осознанности цели: ради чего и с кем против кого. Наивно и бесперспективно бороться против капитализма и одновременно высокомерно поучать коммунистов в догматизме и приверженности «апробированным формулам». Прежде чем сокрушать все авторитеты, стоило бы поразмыслить хотя бы над тем фактом, почему «апробированные формулы» столь ненавистны магнатам капитала и заставляют последних преследовать коммунистов и загонять их в глухое подполье! «Слепой активизм» не нагонит такого страха.

Для власть предержащих страшна именно «апробированность формул», за осуществление которых борются передовые отряды революционных рабочих.

Вот почему любой буржуа, услышав подобные рассуждения левых идеологов, поморщится, но передаст их дальше. Ведь из двух зол выбирают наименьшее. А мелкобуржуазный радикализм левых лидеров менее опасен для буржуазии, чем железная логика «апробированных формул» марксизма-ленинизма. Тем более когда идеологи левачества отвергают столь ненавистную для буржуазии руководящую роль рабочего класса.

А Руди Дучке продолжает теоретические потуги по ниспровержению гегемона революционного движения, с тем чтобы самому вскарабкаться на этот престол. Касаясь проблемы германского движения, Р. Дучке замечает: «После второй мировой войны революционный немецкий социализм исторически исчез с политической сцены, чтобы вновь стать исторической реальностью лишь примерно через 20 лет в лице отдельных отрядов студенчества (!), отдельных фракций рабочих и служащих с непостоянной заработной платой и небольших групп учащихся (!). Марксистская теория индивидуализировалась, но тем самым потеряла свою разрушительную силу».

Итак, одним росчерком пера Дучке разделяется и с первым в немецкой истории государством социализма, и с боевым авангардом западногерманских рабочих, Коммунистической партией Германии.

Здесь снова видна претензия студенческого лидера на особую роль интеллектуальной элиты, которая одна способна выдвинуть в настоящий момент революционную альтернативу.

Никто не отрицает значение и роль передовой революционной интеллигенции. Лучшие ее представители на разных этапах исторического развития принимали активное участие в выработке революционной теории и вносили ее в рабочее движение. Маркс, Энгельс и Ленин тоже были выходцами из интеллигенции, вставшими на сторону эксплуатируемых масс. Дав пролетариату научную теорию социализма, они указали на его историческую роль сокрушителя старого капиталистического мира. Это положение, апробированное опытом российского пролетариата и рабочего класса социалистических стран, остается верным и по сей день. И те, кто за реформизмом рабочей аристократии и продажностью асоциальных элементов не способен разглядеть потенциальной революционности рабочего класса на современном Западе, тот за деревьями не видит леса. Классовые бои, сотрясающие ежегодно страны капитала, на практике подтверждают существование главного противоречия современного капитализма — противоречия между трудом и капиталом,

противоречия, в котором противостоящими силами были и остаются пролетариат и буржуазия. А тот факт, что революционаризм мелкой буржуазии и выступления ультралевых студентов не всегда находят поддержку среди рабочих масс, свидетельствует не о потере последними революционности, а об игнорировании первыми законов классовой борьбы, о подмене объективных фактов нетерпеливым субъективизмом.

Вот несколько примеров левацкого высокомерия.

Кон-Бендит заявил 8 мая 1968 года в интервью французскому еженедельнику «Нуэль обсерватор»:

«Критика является эффективной лишь в том случае, если ее подхватывают эксплуатируемые в своей революционной борьбе. Хотя в данный момент студенты одни ведут революционную борьбу рабочего класса».

Те же самые настроения характерны и для левооппозиционного студенчества в ФРГ. Представители Социалистического союза немецких студентов заявили в интервью французской газете «Комба» 29 апреля 1968 года:

«Во всей истории Федеративной Республики Германии рабочий класс отождествлял себя с буржуазной системой... Рабочий класс до такой степени удовлетворен, что он не может критиковать существующую систему. У него манихейский взгляд: быть коммунистом — это плохо. Однако нельзя ожидать, что настроения рабочих станут благополучными, если таких настроений нет даже у руководителей. Сознание рабочих должны пробудить студенты.»

Вопрос. А у самих студентов есть сознание?

Ответ. Да, потому что они входят в состав привилегированной группы. Революционные темы обсуждаются в привилегированных группах, в так называемых группах Маркузе».

Да, студенты обладают сознанием, но далеко не социалистическим. Даже отвергая буржуазную идеологию, значительная часть студенчества сохраняет во многом свою социальную и психологическую зависимость от капиталистического общества. Их сознание хотя и тянется к марксизму, но остается пока во власти мелкобуржуазной идеологии. Отсюда иллюзии и предубеждения, противоречивость и непоследовательность их взглядов.

Характерно в этом плане отношение левацких идеологов к массам. Отказав пролетариату в праве на роль авангарда в революционном движении, «леваки» сами готовятся «разбудить массы». И Дучке и Кон-Бендит не согласны с тем, что «освобождение рабочего класса может быть лишь делом самих рабочих». Жак Соважо, один из лидеров французского студенчества в период 'майско-июньских событий 1968 года, заявляет с вызовом: «Я верю в спонтанность масс...» Его дополняет коллега и напарник по дви-

жению Алан Гейсмар: «В настоящее время я питаю неограниченное доверие к массам, которые пришли в движение, и я верю, если они в состоянии победить одно из могущественнейших капиталистических государств мира, которое располагает централизованной исполнительной властью, чрезвычайно мощными репрессивными органами, то можно считать их вполне способными построить социализм».

Идеологи «левачества» распинаятся в своей любви к массам, воспевают спонтанность движения и в то же время говорят о пассивности рабочего класса, об отсутствии «революционности» у коммунистических партий. Подобная мешанина «свидетельствует о самой невероятной и безысходной путанице мысли». У нынешних левацких лидеров получилось явное противопоставление масс и классов, классов и партий.

Как ни странно, левацкие идеологи видят противоречие в том, что, по Ленину, рабочий класс может быть организован и революционизирован лишь коммунистической партией, авангардом класса, с одной стороны, и марксистским тезисом «освобождение рабочего класса может быть делом только самих рабочих», с другой стороны.

Это противопоставление слишком противоестественно и надуманно, и об этом четко сказал полвека назад в своей работе «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» В. И. Ленин. Он отмечал, что «левые» коммунисты в Германии после первой мировой войны противопоставляли диктатуру партии диктатуре класса, диктатуру вождей — диктатуре масс:

«Люди тщатся придумать нечто совсем особенное и в своем усердии мудрствования становятся смешными. Всем известно, что массы делятся на классы; что противопоставлять массы и классы можно, лишь противопоставляя громадное большинство вообще, не расчлененное по положению в общественном строе производства, категориям, занимающим особое положение в общественном строе производства; что классами руководят обычно и в большинстве случаев, по крайней мере в современных цивилизованных странах, политические партии; что политические партии в виде общего правила управляются более или менее устойчивыми группами наиболее авторитетных, влиятельных, опытных, выбираемых на самые ответственные должности лиц, называемых вождями».

То, что его слова не устарели и сегодня звучат весьма актуально, доказывает живучесть левацких предрассудков и попыток «ультралевых» вновь поднять те же самые вопросы, ответы на которые были даны еще в начале двадцатых годов нашего века.

Ниже мы увидим, насколько справедливы и актуальны ленинские слова и в отношении попыток нынешних левацких лидеров

противопоставить массам руководящую силу партий и партийных руководителей.

Левацкие взгляды среди части западной интеллигенции и студенчества отражают близорукость и противоречивость мелкобуржуазной идеологии. Эта идеология представляет собой мелкобуржуазную форму протеста против капиталистического общества. Та часть студенчества и интеллигенции, которая попадает в ряды наемных трудящихся, испытывает вражду к буржуазии и в то же время страх перед признанием своего пролетарского положения. Она не может заставить себя присоединиться к рабочему движению и мечется между экстремизмом и отчаянием. Идеологам левооппозиционного студенчества, высокомерно обвиняющим коммунистические партии в догматизме, не мешало бы знать, что природа интеллигентских метаний и мелкобуржуазной революционности была объяснена В. И. Лениным уже полвека назад.

И видимо, речь идет не о поисках новых путей, нынешними «ультралевыми», а о приспособлении старых идей к новым построениям среди определенной части левацки настроенного студенчества. Ленин писал в 1920 году: «За границей еще слишком недостаточно знают, что большевизм вырос, сложился и закалился в долголетней борьбе против мелкобуржуазной революционности, которая смахивает на анархизм или кое-что от него заимствует, которая отступает в чем бы то ни было существенном от условий и потребностей выдержанной пролетарской классовой борьбы. Теоретически для марксистов вполне установлено, — и опытом всех европейских революций и революционных движений вполне подтверждено, — что мелкий хозяйчик (социальный тип, во многих европейских странах имеющий очень широкое, массовое представительство), испытывая при капитализме постоянно угнетение и очень часто невероятно резкое и быстрое ухудшение жизни и разорение, легко переходит к крайней революционности, но не способен проявить выдержки, организованности, дисциплины, стойкости. «Взбесившийся» от ужасов капитализма мелкий буржуа, это — социальное явление, свойственное, как и анархизм, всем капиталистическим странам. Неустойчивость такой революционности, бесплодность ее, свойство быстро превращаться в покорность, апатию, фантастику, даже в «бешеное» увлечение тем или иным буржуазным «модным» течением, — все это общеизвестно. Но теоретическое, абстрактное, признание этих истин несколько еще не избавляет революционные партии от старых ошибок, которые выступают всегда по неожиданному поводу, в немножко новой форме, в невиданном раньше облачении или окружении, в оригинальной — более или менее оригинальной — обстановке».

Численный рост студенчества во многих западных странах про-

исходил именно за счет средних слоев и мелкой буржуазии. Мелкие хозяйчики, так называемые свободные профессии, — вот социальная среда, где формировалось мировоззрение будущих студентов. Вполне понятно, что им свойственна в той же мере психология этой социальной среды: тот же страх перед крупным предпринимательством, недовольство и протест против гнетущей атмосферы бюрократической государственно-монополистической машины.

Взрыв студенческого недовольства во Франции, Западном Берлине, Западной Германии и в ряде других стран Западной Европы полностью подтвердил ленинскую оценку неустойчивости мелкобуржуазной революционности. Вначале вспышка безудержной активности и экстремизма, выдвижение самых крайних требований, призыв к немедленным сверхрешительным акциям. Затем при первых трудностях — замешательство, отсутствие дисциплины, выдержки, организованности и стойкости. И наконец, как результат всего этого, — спад активности, апатия, покорность.

А Герберт Маркузе и другие новые властители дум студенческой молодежи? Разве это не отражение той же самой, подмеченной Лениным характерной особенности «бешеного» увлечения тем или иным модным течением? Только на нынешнем этапе рабочего и демократического движения буржуазия сознательно развращает молодежь и студенчество, подбрасывая ей то маркузианство, то иные разновидности так называемого «чистого неомарксизма», который противопоставляется марксизму-ленинизму.

Следует учесть, что сейчас, как и прежде, основным проводником реформизма в среде пролетариата остается правая социал-демократия. Это она помогает государственно-монополистическому капитализму сдерживать революционные выступления рабочего класса, способствует расколу его рядов. Реформизм правых социал-демократических лидеров вызывает рост недовольства среди народных масс, ориентировавшихся на эту партию, и нередко приводит к акциям протеста политически активной части общества. Этот протест часто носит стихийный, анархистский характер.

«Анархизм нередко является своего рода наказанием за оппортунистические грехи рабочего движения. Обе уродливости взаимно дополняли друг друга», — отмечал Ленин.

Ленинская оценка анархизма «как своего рода наказания за оппортунистические грехи рабочего движения» очень ярко подтвердилась во время студенческих выступлений в мае — июне 1968 года в Западной Германии. Оппортунизм правых лидеров СДПГ, неспособных отразить революционные чаяния определенных кругов западногерманского студенчества, привел в ряде случаев к анархизму студенческих выступлений.

Выступления студенчества, несмотря на их бурный и подчас массовый характер, не нашли поддержки у большинства населения, хотя на нее рассчитывали лидеры «ультралевых». Ошибочность левых расчетов объяснялась тем, что строились они без учета соотношения политических сил в стране, без конкретного знания настроений масс. В этом проявился мелкобуржуазный характер стихийной революционности левооппозиционного студенчества и полная несостоятельность претензии «леваков» на роль «детонатора» или «революционной закваски».

Именно студенческий «бунт» на капиталистическом Западе вновь подтвердил великую истину, на которую покушаются ныне праворевизионистские и левозкстремистские идеологи, — марксистско-ленинское учение о всемирно-исторической миссии рабочего класса.

«Опыт всех революций и всех движений угнетенных классов, опыт всемирного социалистического движения учит нас, что только пролетариат в состоянии объединить и вести за собой распыленные и отсталые слои трудящегося и эксплуатируемого населения», — говорил Ленин.

Исследуя мировой революционный процесс, Ленин обосновал роль рабочего класса — гегемона в революционном преобразовании мира. Он подчеркивал, что рабочий класс в состоянии решить эту задачу прежде всего «потому, что он самый сильный и самый передовой класс цивилизованных обществ» экономически и политически, выражает действительные интересы громадного большинства трудящихся при капитализме.

Анализ классовой борьбы на нынешнем этапе общего кризиса капитализма подтверждает, что рабочий класс является ведущей силой антиимпериалистической борьбы в цитаделях империализма.

Рабочий класс является самым многочисленным и организованным классом в развитых странах капитала, и численность его и организованность возрастают из года в год. Если в середине XIX века в главных капиталистических странах насчитывалось 10 миллионов пролетариев, то в начале XX века — уже 30 миллионов. К настоящему времени численность промышленных рабочих в этих странах по сравнению с началом века возросла еще почти в четыре раза. И что особенно важно: лица наемного труда превратились в подавляющее большинство населения.

За последние десятилетия возрос уровень квалификации и общей подготовки рабочих, а армия лиц наемного труда пополнилась за счет технической интеллигенции. Мы уже говорили об этом, и следует еще раз подчеркнуть это важное изменение в структуре лиц наемного труда: переход целого социального слоя технической интеллигенции и служащих в промежуточное состояние между буржуазией и наемными рабочими, причем с возрастающей тенден-

цией перехода из группы предбуржуазии в группу предпролетариата. Научно-техническая революция и система госмонополистического капитализма превращают служащего из «надсмотрщика» за рабочими в присмотрщика за машинами, которые теперь сами выполняют роль надсмотрщика за скоростью и качеством работы.

Вместе с изменениями в социальной структуре армии наемных рабочих увеличивается прибыль буржуазии, получаемая за счет эксплуатации лиц умственного труда. В этих условиях капитализму выгодно обеспечивать рабочему более высокие стандарты потребления, чем это имело место в начале нынешнего века. Жизненный уровень рабочего класса в развитых капиталистических странах стал значительно выше, хотя доходы монополий за это время выросли неизмеримо больше. Эксплуатация осталась, изменилась лишь ее форма. Подтверждением тому, что пролетариат, несмотря на все свои социальные завоевания, ощущает растущий гнет монополий и в ответ на это усиливает классовую борьбу, являются непрекращающиеся стачки в странах капитала. Выступая на международном Совещании коммунистических и рабочих партий в 1969 году, Л. И. Брежнев сказал:

«Непреложным фактом является обострение классовой борьбы в капиталистическом мире. Достаточно сказать, что в развитых капиталистических странах с 1960 по 1968 год включительно приняли участие в забастовочной борьбе в общей сложности свыше 300 миллионов человек против 150 миллионов за предыдущие 14 лет».

И как бы в насмешку над авторами теории об «интеграции» рабочего класса в капиталистическую систему, об исчезновении революционного запала рабочего класса именно последние годы ознаменовались крупными самостоятельными выступлениями пролетариата. В период шестидесятых годов в мире капитала состоялось свыше 250 общенациональных забастовок рабочего класса, которые содействовали нарастанию общенациональных социально-политических кризисов, подтачивающих капиталистическое общество. Классовые битвы сотрясают индустриально развитые страны.

В мае — июне 1968 года забастовало 10 миллионов французских трудящихся. В ноябре 1968 года забастовка охватила 12 миллионов итальянских рабочих; во всеобщей забастовке в феврале 1969 года участвовало 18 миллионов человек. Крупнейшие забастовки прокатились по Западной Германии в сентябре 1969 года. В Соединенных Штатах Америки в 1968 году было отмечено 4950 забастовок, которые обошлись монополиям в 47 миллионов человеко-дней.

В свете этих фактов ясно выступает и несостоятельность левацких теорий о «пассивности рабочих» и «активности студентов», тео-

рий, социальный смысл которых сводится к недооценке решающей роли рабочего класса в революционном преобразовании мира. Выступая на XIX съезде Французской коммунистической партии, тов. Ж. Марше подчеркнул в отчетном докладе:

«Причины, по которым рабочий класс является решающей силой общественного развития, руководящей силой в борьбе за революционное преобразование общества, как мы видим, не изменились. Усилия, которые прилагали за последнее время правые и «левые» оппортунисты для того, чтобы поставить под вопрос эту роль рабочего класса, приходят в столкновение с фактами».

Социальная утопия или реальный социализм?

Студенческий «бунт» в странах капитала носит откровенно антиимпериалистический характер. Даже там, где студенческое движение начинается с протеста против антидемократической системы высшего образования, против нарушений академических свобод, оно быстро приобретает политический характер и расцвечивается лозунгами антиимпериалистической борьбы. Один из идеологов западногерманского левоопозиционного студенчества, Вольфганг Лефевр, развивал тезис о том, что университеты социально-исторически тесно переплетаются с существующей системой и что таким образом предпосылкой всякой реформы высшей школы должно быть переустройство общества.

Лидер левацкой группировки французских студентов Кон-Бендит заявил во время майских событий 1968 года:

«В своих требованиях мы наталкивались на систему: на политическую власть, на капитализм, на его концепцию университета. Здесь есть связь с политизацией: борьба с капиталистической системой, социальная роль, которую эта политизация возлагает на университет, отказ студентов быть в будущем кадрами, подготовленными для эксплуатации рабочего класса».

Руди Дучке также подчеркивал антикапиталистический характер студенческого движения:

«Наша оппозиция направлена не только против некоторых небольших «недостатков» системы, она в большей степени всеобщая оппозиция, которая направлена против всего нынешнего образа жизни авторитарного государства».

Для будущего студенчества, по крайней мере для политически активной его части, ясна социальная направленность его выступле-

ний. Объектом студенческого протеста является отсталая система высшего образования, отсутствие академических и политических свобод, антидемократичность и авторитарность государственных институтов, засилье военно-промышленного комплекса, милитаристская и агрессивная политика господствующих классов.

Однако, протестуя против капитализма, многие студенты ничего не предлагают взамен. Они выступают в антиимпериалистической борьбе зачастую как сторонники чистой «социальной критики». Многие из идеологов студенческой оппозиции заявляют: «Мы пока только отрицаем, ничего не предлагая взамен». Подобные настроения не в последнюю очередь определяются влиянием маркуизма. Проповедуя «всеобщую интегрированность рабочего класса» и подавляющее влияние «потребительской» идеологии и психологии «индустриального общества», Маркузе и его последователи не видят выхода и как метод борьбы рекомендуют «великий отказ» от дальнейшего участия в «игре системы».

В своей книге «Человек одного измерения» Маркузе пишет с глубоким разочарованием:

«Критическая теория общества не владеет понятиями, способными заполнить брешь между настоящим и будущим, не давая обещаний и не показывая примеров успеха, она остается верной тем, кто, не имея надежды, отдавал и отдает свою жизнь Великому Отказу».

Исторический пессимизм Маркузе порожден его неверием в революционную роль рабочего класса, и это неверие в свою очередь поддерживает миф об «интеграции» пролетариата. «Великий Отказ» Маркузе есть плод его утопических воззрений.

Так идеологи «левачества», развенчав вначале руководящую роль рабочего класса и предложив массам себя в качестве боевого авангарда, трубят сбор в безнадежный поход.

Горькой иронией в адрес левачьих ультрареволюционеров звучат слова французского журналиста Мориса Клавеля: «Утешительно, что у него (у Кон-Бендита. — В. Л.) нет ни четкой программы, ни стремления установить какой-либо новый порядок»¹.

Таково отношение сторонников «критической теории» к будущему. Выступая против настоящего капиталистического общества, они, по существу, не могут предложить бунтующему студенчеству никакой достойной перспективы. Такая позиция левачьих идеологов логически порождает их критическое отношение к реальному социализму, то есть к странам социалистического содружества.

Запевалой здесь выступает все тот же Маркузе. В книге «Учение советского марксизма об обществе» он силится с помощью «кри-

¹ «Le Nouvel Observateur», 8 мая 1968.

тической теории» низвергнуть «советский марксизм». Схема его рассуждений сводится к следующему: поскольку империализм «интегрирует» рабочий класс, то это приводит к реформизму коммунистических партий в капиталистических странах. Мировая революция захлебнулась, Советская Россия оказалась изолированной. Это сказалось на строительстве социализма в отсталом Советском Союзе: необходимость покончить с экономической отсталостью и обеспечить защиту от нападения извне привели к созданию жестокой власти внутри страны и к вынужденной политике мирного сосуществования вовне. В результате: «деформация социализма» в самом Советском Союзе и «стабилизация» капиталистического окружения, которая была избавлена от советской угрозы.

Реакционная направленность этой теории не вызывает сомнений. Во-первых, налицо ложная концепция многовариантности марксистского учения. Утверждение о «советском марксизме» преследует цель доказать существование многих, принципиально разных «моделей социализма», объявить ленинизм специфически русским явлением. Во-вторых, здесь преследуется цель принизить главные закономерности социализма, имеющие объективный всеобщий характер. В-третьих, отдельные ошибки и недостатки в строительстве социализма абсолютизируются и возводятся в историческую закономерность развития, которая якобы носит определяющий характер. И наконец, в-четвертых, имеет место самое объективное извращение действительности, когда политика социалистических стран фальсифицируется и делаются выводы обратно противоположные объективному ходу событий.

Однако ядовитое семя ревизионистских сомнений брошено в землю и дает всходы. Студенческие идеологи, вкусившие маркузианства, критикуют реальный социализм, который не соответствует их умозрительному идеалу утопического социализма.

К чему сводятся левачьи выпады?

Извращая историю построения первого социалистического государства, идеологи «левачества» утверждают, что «демократию Советов сменило господство бюрократического аппарата», что в дальнейшем привело к применению «постоянных репрессивных инструментов для подавления внутрипартийной демократии».

Подобные рассуждения можно часто услышать от представителей левоопозиционного студенчества. Причем если идеологи позаимствовали их у Маркузе и представителей левого оппортунизма, то основная часть студентов усвоила их, как ни парадоксально, из публикаций буржуазной прессы. Так смыкаются махровый реакционный антикоммунизм с левым оппортунизмом.

Левачьи критики делают вид, что им неизвестно об осуждении Коммунистической партией Советского Союза нарушений

ленинских норм партийной и государственной жизни. Отдельные ошибки они возводят в систему и преподносят ее неискушенной молодежи в виде «модели советского социализма».

Если встать на путь этих рассуждений, то совершенно необъяснимо, как в условиях «подавления» демократии «бюрократический аппарат» обеспечил невиданно высокие темпы социалистического строительства в СССР? Чем вызван был тогда энтузиазм широких масс, доказавших в труде и в бою свою непоколебимую преданность советскому строю? Наивно полагать, что в условиях «бюрократического принуждения» удалось бы решить в исторически короткие сроки гигантскую задачу превращения царской России, страны со средним уровнем развития капитализма, в высокоразвитую передовую державу.

Вопреки ложным инсинуациям наших критиков как справа, так и слева опыт социалистического строительства в СССР доказал преимущества нашего общественного строя во всех областях жизни.

По среднегодовым темпам прироста промышленной продукции мы уверенно обгоняем высокоразвитые капиталистические страны (за 1951—1967 годы они составляли в СССР—10,5 процента, а в США—4,5, во Франции—5,5, в Англии—2,8 процента).

Реальные доходы в нашей стране за годы Советской власти возросли: у рабочих более чем в 7 раз, у крестьян в 11 раз.

Страна, в которой в момент революции было 68 процентов неграмотных, стала первой в мире страной, где осуществляется всеобщее полное среднее образование.

Численность научных работников в СССР в 1968 году превысила 800 тысяч человек: каждый четвертый научный работник в мире — наш советский.

Когда советские спутники, а затем и космонавты первыми в мире покорили космос, даже самые необъективные недоброжелатели нашей страны вынуждены были признать «осечку» своих критических взглядов в отношении социализма и глубоко задуматься над исторической перспективой соперничества двух мировых систем. На глазах одного поколения старая царская Россия, которую грабили свои и чужие капиталисты, а народ которой был обречен на нищету и невежество, изменила свой облик. Переход власти в руки рабочего класса обеспечил экономический и культурный расцвет страны, вызвал к жизни нечто доселе невиданное, морально-политическое единство народа. Именно благодаря этим завоеваниям социализма советский народ выстоял в четырехлетнем единоборстве с гигантской военно-промышленной машиной германского империализма, подмявшей под себя всю континентальную Европу, переломил гитлеризму хребет и в кратчайшие

сроки восстановил разрушенное и разграбленное оккупантами хозяйство страны.

Этих гигантских успехов могла добиться только та власть, которая разбудила творчество народных масс и обеспечила действительно широкую и подлинную демократию для трудящихся. Такой властью была власть Советов, о которой Ленин писал: «Это — власть, открытая для всех, делающая все на виду у массы, доступная массе, исходящая непосредственно от массы, прямой и непосредственный орган народной массы и ее воли».

Итак, теория «бюрократической деформации социализма» не выдерживает критики и демонстрирует свою полную несостоятельность при сопоставлении с фактами из истории реального социализма. Однако, не ограничиваясь выпадами против внутрисполитического развития в СССР и других социалистических странах, идеологи «левачества» с особой резкостью выступают против внешнеполитической линии стран социализма.

Причем и здесь не без труда прослеживаются истоки формирования «критических теорий», имеющих хождение среди левоопозиционного студенчества. Диапазон политического влияния на них чрезвычайно велик: это и Бухарин, и Троцкий, и Мао Цзэ-дун, и Маркузе, на которых зачастую прямо ссылаются студенческие идеологи.

Так, Руди Дучке берет на свое вооружение тезис Троцкого о «преданной пролетарской революции» в Советском Союзе. Для чего это ему нужно? Ответ на этот вопрос мы легко найдем, если проследим дальше его изыскания в области «социально-революционных освободительных движений».

Р. Дучке пишет: «Историческая неудача американской элиты власти, точнее империализма США, состояла именно в том, что он должен был отказаться от своей единственной «законной базы», антикоммунистической идеологии, чтобы вообще иметь возможность под антикоммунистическими знаменами разгромить социально-революционные освободительные движения. Это кажущееся противоречие раскрывается, если мы поймем, что империализм признал советскую идеологию (!) сосуществования только для того, чтобы, по крайней мере, в Средней и Западной Европе обеспечить «спокойную зону» своей системе, чтобы получить «защищенный тыл» для быстрого и эффективного разгрома революционных движений «третьего мира». Историческая «вина» Советского Союза состоит в полном бессилии глубоко понять эту стратегию империализма и ответить на нее разрушительными и революционными действиями».

Эта посылка заслуживает развернутого ответа не только потому, что в ней заключена претензия на теоретическое обоснование

внешнеполитической линии Советского Союза, но еще и потому, что она служит отправной базой для многочисленных выступлений и дискуссий членов Социалистического союза немецких студентов.

В этом высказывании все поставлено с ног на голову. Политика мирного сосуществования была навязана международному империализму мировой социалистической системой.

Империализм «признал» эту политику (а не идеологию мирного сосуществования, как пишет Дучке) не потому, что он обнаружил неожиданное «миролюбие», а в результате объективной закономерности: изменения соотношения сил в мире в пользу социализма. Именно этот фактор сыграл решающую роль в том, что социалистические страны смогли преодолеть послевоенную политику «холодной войны», проводившуюся международным империализмом во главе с империализмом США.

В наш ядерный век, когда столкновение двух мировых систем неизбежно поставит под вопрос само существование человеческой цивилизации, мирное сосуществование — единственно разумная политика, направленная на благо прогресса и социализма. Мирное сосуществование означает лишь мирное развитие государств с различным общественным строем, невоенную форму их классового противоборства на международной арене. Но это отнюдь не означает сближения двух противоположных систем. Мы отвергаем теорию конвергенции, теорию постепенного сближения капитализма и социализма в области экономики, политики, культуры и тем более идеологии. Игнорирование подобных расчетов некоторых западных идеологов (взаимное сближение путем «либерализации» социализма и «социализации» капитализма) покоится на непонимании социально-экономической природы обеих систем. Социализм означает ликвидацию частнособственнических отношений, установление общественной собственности на орудия и средства производства, диктатуру пролетариата и руководящую роль коммунистической партии. Сосуществование не изменяет ни грана в этих краеугольных основах социалистического строя. И как показывает исторический опыт, мирное сосуществование привело не к сближению, а к усилению исторического противоборства двух систем. Политика мирного сосуществования не означает также (как любят говорить некоторые буржуазные идеологи, а вслед за ними и столпы «левачества») некоего равновесия двух систем, раздела мира на сферы влияния и «взаимного уважения» интересов друг друга. Политика мирного сосуществования не исключает роста рабочего движения в странах капитала и подъема национально-освободительного движения в странах «третьего мира». Именно политика мирного сосуществования связала руки наи-

более агрессивным империалистическим кругам и обеспечила относительно благоприятную внешнеполитическую обстановку для нарастания мирового революционного потока. Объективные факты мировых событий говорят о том, что как раз в конце пятидесятых годов и в шестидесятые годы, когда мировая социалистическая система навязала политику мирного сосуществования капиталистическому миру, национально-освободительное движение в странах Азии, Африки и Латинской Америки достигло наибольших успехов. В этот же период страны социализма постоянно оказывали прямую политическую, экономическую и военную поддержку народам, борющимся за свое национальное освобождение и социальную независимость. Мировая социалистическая система продолжает изменять соотношение сил на нашей планете в пользу прогресса, мира и свободы, создавая все более благоприятные условия для расширения и углубления национально-освободительных революций, для перехода развивающихся стран на некапиталистический путь развития. Противопоставлять политику социалистических стран и задачи национально-освободительной борьбы — значит пытаться ослабить боевое единство антиимпериалистических сил, значит лить воду на мельницу буржуазной пропаганды, заинтересованной в расколе великого союза освободительных сил современности.

Столь же незавидны и нелепы попытки левацких идеологов говорить об отказе американского империализма от антикоммунистической идеологии. Как раз в шестидесятые годы международный империализм, и в первую очередь империализм США, значительно активизировал свою идеологическую войну против стран социализма, в том числе и с помощью оживления оппортунистических, ревизионистских и националистических течений. Горькая ирония левацкой судьбы состоит как раз в том, что леваки-антиимпериалисты в этой войне стреляют по своим.

Когда «ульtralевые» говорят о «свободе рук» и обеспеченном тыле для империализма, они опять ухитряются поставить все с ног на голову. Вся послевоенная история свидетельствует о том, что экономическая, политическая и военная мощь Советского Союза и его союзников связала руки американскому империализму, сдерживая его экспансию и агрессию в странах Азии, Африки и Латинской Америки. А коммунистические партии и рабочий класс в странах капитала? Разве не классовая борьба держит в постоянном напряжении империалистический тыл?

Если бы не мощь мирового социализма и не классовые бои международного пролетариата, вряд ли бы национально-освободительное движение могло так успешно сопротивляться подрывным действиям империализма.

Именно об этом свидетельствует героическая борьба непобедимого вьетнамского народа, нарастающее сопротивление арабских стран агрессии Израиля, успехи освободительных движений в других районах мира.

Итак, не империализм получил «свободу рук» и обеспеченный тыл, а борющиеся страны, в том числе Вьетнам, получили возможность пользоваться полной и все возрастающей материальной, военной и моральной помощью Советского Союза и других социалистических стран. Кстати говоря, именно пример маоцзедунской группы, в трудах которой «леваки» черпают свои «новые идеи», именно пример людей, отвергавших на словах мирное сосуществование, а на деле саботировавших советскую помощь Вьетнаму. Этот пример доказывает как раз ложность, ошибочность и полную несостоятельность левацких взглядов. Именно конкретная и эффективная помощь Советского Союза позволила героическому народу Вьетнама дать отпор американскому агрессору. И об этом никто не сказал так ясно и определенно, как сами руководители ДРВ.

Получается довольно парадоксальная картина: вьетнамский народ благодарит Советский Союз за помощь в его борьбе против американского империализма, а «ультралевые» распинаются о советской «вине». Может быть, они полагают, что это их пассажи, а не советские ракеты сбивали американские самолеты в Демократической Республике Вьетнам?

И хотя лидеры левых сами резко выступают против американской агрессии во Вьетнаме, что противоречит официальной позиции западноберлинских и западногерманских властей, их взгляды довольно широко и охотно пропагандируются в западной печати. Чем это объяснить? Почему буржуазная пропаганда, организуя травлю студентов-социалистов, в то же время рекламирует взгляды их идеологов? Ведь на такую благосклонность не могут рассчитывать коммунисты, и мы напрасно бы потратили время, пытаясь найти, например, статьи Макса Реймана или Курта Бахмана в буржуазных изданиях ФРГ и Западного Берлина. А Дучке и его единомышленники? Пожалуйста. Все объясняется довольно просто. Несмотря на весь пыл их протеста против господствующих кругов, последних в конечном счете устраивает идеологическая путаница и призыв идеологов к спонтанности ССНС. Ведь когда лидеры студентов-социалистов заявляют: «Восток и Запад всегда договариваются за счет экономически слаборазвитых стран», этот ложный и внеклассовый тезис вполне устраивает буржуазию. В конце концов, подобные взгляды являются отражением теорий «единого индустриального мира», «богатых и бедных» и других, созданных апологетами капиталистического строя и направленных на раскол

единого антиимпериалистического фронта. Так поиски абсолютной истины и пренебрежительное отношение к теории и практике реального социализма приводят ультралевых идеологов к идеологической путанице и ослабляют общий фронт всех демократических и прогрессивных сил.

Анализируя развитие рабочего движения после первой мировой войны и национально-освободительного движения после второй мировой войны, идеологи «левачества» совершенно упускают из виду влияние Октябрьской революции и мировой социалистической системы на эти процессы и ставят последние лишь в зависимость от развития производительных сил и распространения мирового капитала. Отсюда они неизбежно подходят к малооригинальному выводу о «перемещении революционных центров в мире в сороковые годы».

В рассуждениях «леваков» мы слышим явные отголоски маоистской доктрины, противопоставляющей национально-освободительное движение международному рабочему классу, «мировую деревню» «мировому городу». В своей критике реального социализма идеологи «левачества» смыкаются также с троцкистами, которые в последние годы вновь возобновили свои попытки извратить марксистско-ленинскую теорию социалистической революции. В «Манифесте», который был принят в 1961 году VI конгрессом IV (троцкистского) Интернационала, а также в «Хартии» Миланского конгресса в 1963 году заявляется, что «главный центр мировой революции» сейчас «переместился в колониальный мир». Таковы новые вариации «перманентной революции» Троцкого, суть которых не только оклеветать международный рабочий класс и его главное детище — мировую систему социализма, но и свратить авангардизмом национально-освободительные движения. Порочный круг ревизионизма замкнулся: правые и левые всех мастей объединились в своих нападках на мировой социализм, объединились, чтобы разъединить главные потоки мирового революционного процесса.

Социальный утопизм ультралевых идеологов, которые отвергают империализм, но не выдвигают реального позитивного идеала, весьма ярко выявляется в их отношении к двум немецким государствам. Казалось бы, сама история дала прекрасную возможность всем непредубежденным на примере существования ФРГ и ГДР убедиться в более гуманном, демократическом, справедливом и мирном характере социалистического строя. Надо отдать им должное: идеологи левоопозиционного студенчества в ФРГ и Западном Берлине довольно критически оценивают западногерманскую действительность. Лидеры Социалистического союза немецких студентов разоблачают империалистический характер западно-

германского государства, засилье в стране военно-промышленного комплекса, наступление монополий на демократические права граждан и безудержное манипулирование общественным мнением.

Так, например, Дучке разоблачил предательскую суть реформизма правых социал-демократических лидеров и их опасность для рабочего движения ФРГ. Он же дал уничтожающую критику правительства «большой коалиции». «Различные фракции аппарата правительственной машины справляют в большой коалиции «оргию ренегатства».

Говоря о необходимости борьбы против растущей угрозы нео-нацизма в Западной Германии, представители Социалистического союза немецких студентов подчеркивали: «Неофашизм — это не возрождение нацизма, не новый Гитлер. Это не НДП и не фон Тарден, а то демократическое общество, которое уже создает структуры, подрывающие демократию».

Касаясь существующей государственной системы в ФРГ, Дучке писал: «Сегодняшний фашизм уже более не проявляется в одной партии или одной личности, он заключается в каждодневном превращении людей в авторитарных личностей, он заключается в воспитании. Короче говоря, он проявляется в существующей системе институтов».

Студенты-социалисты ФРГ и Западного Берлина выступают против монополистического капитала, против милитаризации экономики, против возрождения нацизма, за демократию и духовное раскрепощение человека. В Германской Демократической Республике в отличие от ФРГ после войны были проведены декартелизация, демилитаризация и денацификация, там было покончено с господством монополий и впервые в немецкой истории власть перешла в руки трудящихся. На территории ГДР господствуют самые справедливые общественные отношения и каждый человек пользуется благами социализма. Казалось бы, объективности ради должно признать преимущества социалистического строя. Но социальный утопизм «леваков» тянет их влево от истины.

Отражая настроения своих единомышленников, Р. Дучке писал, что почти все они «ненавидели лицемерие аденауэровской «республики», двурушничество СДПГ и предательство ХДС идеей воссоединения Германии» и в то же время многим из них не нравится СЕПГ и социализм в ГДР.

Что же предлагают они сами, поборники «чистой социалистической истины»?

Это не представляется возможным узнать, ибо ничего, кроме интеллигентских вздохов неудовлетворенности, по этому вопросу от них не услышишь. Им не нравится твердая классовая позиция

немецкого социалистического государства, предпринявшего 13 августа 1961 года защитные меры против провокаций западногерманского империализма. Казалось бы, всемирная практика доказала всеобщность ленинского положения, что «революция тогда только чего-нибудь стоит, если она умеет защищаться». Но ведь наши уважаемые теоретики уже заявляли не раз, что они против «апробированных формул». И хотя своих новых они пока не предлагают, тем усерднее они занимаются ниспровержением старых.

Реальный социализм не устраивает наших «левых» оппонентов. Они неплохо усвоили благие пожелания социалистов-утопистов, нарисовавших расплывчатые образы будущего государственного устройства. Но они брезгают практикой реального бытия, которое одно только может указать нам путь в коммунистическое будущее. Они не возражают против его прихода, но они не знают, как за него бороться. Все, что не соответствует их идеалу, плохо, ибо искажает прекрасные контуры. Поэтому самое большое, что они могут себе позволить, — это критиковать тех, кто своими руками строит общество будущего. Соотнося реальный социализм со своими умопостроениями, они дают оценки и указания, не делая никаких скидок на трудности первопроходцев, строящих социализм. И когда в молодеческом азарте критиканства они вновь и вновь нападают на страны социализма, хочется задать им вопрос: за кого ж вы сами, господа левые интеллектуалы?

Вы низвергаете потоки клеветы и брани в адрес тех, кто не на словах, а на деле борется за осуществление социалистических идеалов. И если бы не успехи мирового социализма, быть может, ваша оппозиция была бы вздернута на реи пиратами капитала. Вы недовольны капиталистическим окружением, но вам не нравятся и реальный социализм. Но где же мифический рай вашей «социальной утопии»?

И как прежде сейчас актуально звучит голос Ленина, предупреждавшего против всех форм социального утопизма:

«Социалистическая интеллигенция только тогда может рассчитывать на плодотворную работу, когда покончит с иллюзиями и станет искать опоры... в действительных, а не возможных общественно-экономических отношениях».

Идеологическая борьба против «левачества», как одной из современных форм социального утопизма, ставит своей целью не только выявление противоречий современного капиталистического общества, но и опровержение несостоятельности выпадов против авангардной роли международного рабочего класса, защиту завоеваний мирового социализма и обеспечение единства всех антиимпериалистических сил.

Стихийный протест или организованная борьба?

«Называть нас анархистами и требовать от нас программы — это шизофрения!» — с вызовом заявляют «ультралевые». В этой фразе больше самолюбования, столь свойственного «левачеству», чем стремления приблизиться к истине. На самом же деле все обстоит наоборот: у студентов-леваков нет четкой политической программы борьбы, и потому их действия зачастую носят анархистский характер. Если рассматривать критику марксистов-ленинцев в адрес левацкой оппозиции именно в такой последовательности, то в этой критике нет ничего противоестественного и вся левацкая ирония теряет под собой почву. И все-таки было бы неверно утверждать, что «левачество» не имеет абсолютно никакой программы. Сами левооппозиционные студенты категорически отвергают упрек в отсутствии политической концепции. И она у них действительно есть. В этих утверждениях нет противоречия. Все дело в том, что та концепция, которой руководствуются «леваки», насквозь пронизана анархистскими взглядами и, по существу, не является политической в марксистско-ленинском понимании.

Мы уже говорили об отрицании левацкими идеологами руководящей роли рабочего класса и претензиях студенчества на роль авангарда. Из этого ложного постулата вытекает и вся политическая концепция «левачества», которая воспевает стихийность массового движения протеста. Кон-Бендит решительно выдвигает в противовес теории «революционного авангарда рабочего класса» «теорию активного меньшинства, играющего роль постоянно действующей закваски, которая подталкивает людей к действию, не претендуя на руководство». Трудно даже сказать, чего больше в этом утверждении — самонадеянности («постоянно действующая закваска», как показали события, киснет при первой же неудаче) или же провокационности (подбивать массы на выступления, не обеспечив никакого руководства).

Если попытаться проанализировать левацкие концепции, то смысл их «программы» сводится к следующей формуле: стратегия их действий — перманентный протест, а тактика — акции насилия.

«Ультралевые» видят стратегический смысл студенческих демонстраций в том, чтобы нарушить «правила игры господствующего капиталистического строя». Это можно достигнуть, заявляют они, «если мы в самой различной форме нанесем удар по центральным нервным узлам системы (от открытых демонстраций без

применения насилия вплоть до конспиративных форм действий). Так, например, по парламенту, налоговым ведомствам, по зданиям судов, манипуляционным центрам вроде издательства Шпрингера и радиостанции «Свободный Берлин», домам Америки, посольствам марионеточных правительств, военным и полицейским центрам и т. д.».

Нынешняя стратегия демонстраций, утверждают они, состоит в «открытой политической борьбе с той целью, чтобы заставить парламентскую демократию открыто проявить свой классовый характер, разоблачить саму себя как диктатуру насилия».

«Леваки» решительно отвергают упрек в том, что они выступают за демонстрации, не предлагая политической концепции. По их словам, «активные столкновения с полицией и тем самым с сенатом и политикой сената в Западном Берлине показали, что мы в этих выступлениях окончили элементарный учебный курс политической и классовой борьбы... Без этого процесса самовоспитания и самопросвещения на практике, в активных воинственных столкновениях с системой невозможна политизация каждого отдельного индивидуума и всех вместе взятых».

Итак, идеологи левацкого студенчества изложили стратегию (движение протеста с целью «нарушить правила игры») и тактику (акции насилия в отношении центральных нервных узлов системы) движения. При этом они ничего не говорят о соотношении классовых сил в стране, о наличии или отсутствии революционной ситуации, о необходимости кропотливой организационной работы по сплачиванию демократических сил в борьбе против власти монополий. Вместо четкого политического анализа — воспевание «активных воинственных столкновений», которые одни только и могут обеспечить рост классowego и политического самосознания масс и поднять их на решительный штурм «системы».

Политическая наивность подобных рассуждений вряд ли бы нуждалась в специальной критике, если бы не широкое распространение взглядов Дучке и его единомышленников среди значительной части политически активного западногерманского и даже западноевропейского студенчества. Причем эти концепции не просто исповедуются, а периодически претворяются в конкретные действия и, таким образом, являются реальным фактором политической борьбы в странах капитала. Следовательно, критически разобраться в концепциях «левачества» — значит вскрыть истоки и характер их ошибочных представлений, дать марксистско-ленинскую оценку современного политического развития и указать пути преодоления левацких загибов ради достижения единства, антимонополистической коалиции. Генеральный секретарь Коммунистической партии США тов. Гэс Холл подчеркивает важность создания

антимонополистической коалиции: «Везде, где это возможно, нужно способствовать участию в антимонополистическом движении всех левых сил. А партия должна стать неотъемлемой частью движения, чтобы идти вместе с массами и находить с ними общий язык. Добиться этого мы сможем лишь в том случае, если скажем им: мы вместе с вами будем добиваться общих целей. Это жизненная необходимость и единственный путь к конечной цели — коммунизму». Поскольку революционное студенчество является союзником рабочего класса в антимонополистической борьбе, это требует тщательного анализа и критики левацких концепций, имеющих хождение в студенческой среде.

Корень ошибочности левацких взглядов — в отрицании руководящей роли рабочего класса, единственного класса, который в состоянии стать могильщиком капитализма. Среди иллюзий, типичных для непролетарского социализма, Ленин называл утверждение о том, что не пролетариат, а «все трудящиеся одинаково способны на эту работу». Отзвук этих иллюзий мы слышим и в революционистских рассуждениях «ультралевых» идеологов, призывающих к «спонтанному сопротивлению масс» и отрицающих руководящую роль рабочего класса и его партии. Вот как это у них выглядит:

«Равнодушное оппозиционное движение умерло, началось спонтанное сопротивление, причем очень часто еще в совершенно неорганизованной форме, во Франкфурте ли или в Бремене, в Берлине или в Гамбурге, мы, то есть антиавторитарный лагерь, уже владеем теми звеньями цепи, которые играют решающую роль для роста самосознания масс, просветительными мероприятиями вне университетов, собраниями студентов в больших университетах, собраниями школьников в школах. Изобилие школьных и студенческих газет — мобилизующий и просвещающий момент всеобщего движения. Повсюду образуются «самозванные авангардные группы», которые начали полностью автономную и никем не организуемую и не манипулируемую никаким центром, но признанную ими необходимой борьбу против манипуляции и подавления творческих способностей людей. В этом заключается сила антиавторитарного движения. В том, что практическая и критическая деятельность антиавторитарных сторонников является реальным выражением собственных потребностей и интересов индивидуумов. Практическое выявление собственных потребностей, интересов и страданий затрудняет монополизацию исторических интересов людей в лице единственной партии, «представляющей» массы».

В этом пассаже вновь чувствуется переоценка собственных сил, преклонение перед могуществом просветительной деятельности

студентов и школьников», в которых «леваки» видят главную революционную силу на современном этапе. Вновь недооценка рабочего класса как главного участника и главной силы в борьбе с империализмом.

Вместо четкого классового анализа современного этапа революционной борьбы «ультралевых» так и тянет на абстрактно-туманный разговор об антиавторитарных тенденциях, в которых они видят панацею от всех зол современного общества. При этом они вновь и вновь демонстрируют свои симпатии стихийному неорганизованному протесту, когда говорят о «радикальном единстве действий антиавторитарных сил, причем без партийной программы и без претензии на монополию». По их мнению, при организации демонстраций руководство должны взять на себя не функционеры и ответственные за порядок, а «боевые комитеты, спаянные совместным опытом и личной дружбой». В противном случае согласно их доводам демонстрации станут объектом манипуляций со стороны формальных руководителей.

Когда читаешь подобные рассуждения, вновь вспоминаешь ленинскую критику немецких «левых», которые в двадцатые годы называли себя «принципиальной оппозицией» и выступали против «партии вождей», против организованной революционной борьбы. Конечно, многое с тех пор изменилось и нами рассматривается совершенно иная политическая ситуация, но как схоже новое «левачество» с прежним, схоже по своему подходу к вопросам руководства революционным движением. Только нынешние «ультралевые» называют себя «антиавторитарной» или «внепарламентской оппозицией», говорят о движении «без нарочитой программы и без претензий на монополию». По существу, нынешние идеологи «левачества» отрицают необходимость организующей и руководящей роли партии рабочего класса. Многие из них, в том числе Р. Дучке, прославляют спонтанность взрывов недовольства масс и умиляются отсутствию предварительной организации выступлений демократических сил. Правда, у них не хватает гражданского мужества добавить, что все эти взрывы были быстро развеяны, демонстрации разогнаны, а движение пошло на убыль именно потому, что за этой спонтанностью не стояла кропотливая организационная работа, не было сплоченной организованной силы в виде революционной партии рабочего класса, которая единственно способна возглавить и привести к успеху такую борьбу. И как актуально звучат в этой связи слова Ленина:

«Отрицание партийности и партийной дисциплины — вот что получилось у оппозиции. А это равносильно полному разоружению пролетариата в пользу буржуазии. Это равносильно именно той мелкобуржуазной распыленности, неустойчивости, неспособности

к выдержке, к объединению, к стройному действию, которая неминуемо всякое пролетарское революционное движение погубит, если дать ей потачку»¹.

Именно к этому ведет левацкое вспышкопускательство. При всей личной храбрости и самопожертвенности студенческих лидеров, при всей их готовности вести «вечную борьбу до победного конца» нельзя ожидать, что даже широкие студенческие массы, не говоря уже о широких массах трудящихся, проявят эту бесконечную готовность к экспериментированию, к бескомпромиссной борьбе с капиталистической системой независимо от исхода своих выступлений. Практика революционной борьбы на всех ее этапах подтверждала правильность марксистско-ленинского положения о том, что нельзя злоупотреблять готовностью трудящихся идти на самопожертвенную борьбу, ибо всякое безвременное и бесполезное кровопролитие ведет к спаду революционной борьбы, к неверию, унынию и разочарованию трудящихся масс.

Это тем более верно, если учесть, что за полвека, прошедших со времени написания Лениным его работы, буржуазии удалось значительно насадить мелкобуржуазную идеологию в среде трудящихся, подточить, если не разложить, классовое самосознание у определенной прослойки пролетариата и привить ему тлетворные идеи потребительского подхода к жизни (здесь и относительный рост жизненного уровня, и изменение жизненных стандартов, и продажа в кредит жилья, автомобилей, холодильников, телевизоров и т. д., и привлечение рабочих к акционерному участию).

В этих условиях тем более необходима строжайшая централизация внутри политической партии пролетариата в наше время, когда усилилось влияние мелкобуржуазных элементов, о которых писал Ленин:

«Они окружают пролетариат со всех сторон мелкобуржуазной стихией, пропитывают ею, развращают его ею, вызывают постоянно внутри пролетариата рецидивы мелкобуржуазной бесхарактерности, раздробленности, индивидуализма, переходов от увлечения к унынию. Нужна строжайшая централизация и дисциплина внутри политической партии, чтобы этому противостоять, чтобы организаторскую роль пролетариата (а это его главная роль) проводить правильно, успешно, победоносно».

Опыт революционной борьбы рабочего класса не только в России, но и во всех странах Западной Европы доказал справедливость ленинской оценки. Только пролетариат может объединить трудящиеся массы в борьбе против монополистического

¹ В. И. Ленин, Детская болезнь «левизны» в коммунизме. М., Политиздат, 1968, стр. 26.

капитала за свои экономические и социальные права. И только при условии руководящей роли коммунистической партии, способной выработать научно обоснованную стратегию и тактику революционной борьбы.

Нынешний рецидив детской болезни «левачества» среди бунтующего студенчества порожден многими факторами: и включением в революционную борьбу новых масс, и классовой неустойчивостью мелкобуржуазной среды, выходцами из которой является большинство студентов, и слабой связью с революционным рабочим движением, и протестом против «оппортунизма» правой социал-демократии.

Интересно отметить, что левацкие ошибки в рабочем движении двадцатых годов во многом были ответом на оппортунизм правого руководства социал-демократов. Последние уже тогда проповедовали «врастание капитализма в социализм», говорили о необходимости сосредоточить все усилия на профсоюзной работе и на завоевании большинства в парламентах. Этот правый реформистский курс не мог не вызвать протеста со стороны революционно настроенной части рабочих и как ответную реакцию родить левацкий уклон: «миллионы рабочих контрреволюционны», «профсоюзы реакционны», «парламентаризм изжил себя».

И сегодня мы слышим те же заявления от лидеров «ультралевых» студентов. Только некоторые из них идут в своей критике еще дальше. Правая социал-демократия за прошедшие полвека не раз оказывалась у власти и, располагая большинством в парламенте (Великобритания, Скандинавские и другие страны), тем не менее не осуществила социалистических преобразований. Все это дало повод левацким идеологам занять критическую позицию не только в отношении правых социал-демократов, но и всего рабочего движения на Западе, в том числе и тех, кто идет за коммунистами.

И если сегодня «ультралевые» в своей справедливой критике и ненависти к лидерам правой социал-демократии механически переносят свои чувства гнева на коммунистическую партию и ее руководителей, то тем самым они «с водой выплескивают и ребенка» и публично демонстрируют свою неспособность или нежелание разобраться в существе дела. Ведь руководители коммунистических партий точно так же мало похожи на оппортунистических бонз правой социал-демократии, как и политические линии этих партий.

В своем неприятии правого оппортунизма в рабочем движении, не умея или не желая видеть принципиально отличной политики коммунистов, студенческие лидеры скатываются к левому экстремизму, призывают неподготовленные массы к стихийному

протесту. Вот почему сейчас, как никогда, важны ленинские установки, в которых он терпеливо разъяснил ошибочность и опасность «левых» настроений, выражавшихся в отказе от работы в профсоюзах под предлогом их «реакционности».

Ленин в свое время зло высмеял самонадеянность и претенциозность «леваков» и их пренебрежительное отношение к трудящимся массам:

«Как раз нелепая «теория» неучастия коммунистов в реакционных профсоюзах показывает наиболее наглядно, как легкомысленно эти «левые» коммунисты относятся к вопросу о влиянии на «массы», как злоупотребляют они своими выкриками насчет «массы». Чтобы уметь помочь «массе» и завоевать симпатии, сочувствие, поддержку «массы», надо не бояться трудностей, не бояться придирок, подножек, оскорблений, преследований со стороны «вождей» (которые, будучи оппортунистами и социал-шовинистами, в большинстве случаев прямо или косвенно связаны с буржуазией и с полицией) и обязательно работать там, где есть масса. Надо уметь приносить всякие жертвы, преодолевать величайшие препятствия, чтобы систематически, упорно, настойчиво, терпеливо пропагандировать и агитировать как раз в тех учреждениях, обществах, союзах, хотя бы самых что ни на есть реакционных, где только есть пролетарская или полупролетарская масса»¹.

Сегодня такую же услугу буржуазии делают Маркузе и его молодые поклонники. Как и полвека назад, задача истинных революционеров состоит в том, чтобы, как писал В. И. Ленин, «уметь убедить отсталых, уметь работать среди них, а не отгораживаться от них выдуманной ребяческой «левыми» лозунгами».

Ленин отмечал, что заявление немецких «левых» о «контрреволюционности миллионов рабочих, идущих еще за политикой центра», не только ошибочно по своей констатации, но и по выводам (отказ от работы среди них). Сегодня идеологи «левачества», не потрудившись как следует проанализировать историю своих предшественников и их идейных ошибок, тоже заявляют о «контрреволюционности» рабочих. Только теперь они идут еще дальше, утверждая, что рабочий класс (весь!) обуржуазился и ни он, ни его вожди (а значит, и коммунисты!) не способны возглавить революцию. Отныне на эту роль могут лишь претендовать сами господа «левые интеллектуалы» да плюс еще деклассированные элементы из среды трудящихся. Прямо скажем, не густо для того, чтобы расшевелить «разжиревший» рабочий класс и сломить государственно-монополистическую машину. Отсюда только два

¹ В. И. Ленин, Детская болезнь «левизны» в коммунизме, стр. 35.

пути: ультралевачские лозунги с призывом к немедленному штурму, не считаясь с реальной обстановкой, или же глубокий пессимизм и отчаяние в случае неизбежной неудачи.

Многие идеологи «левачества» сегодня строят свои архиреволюционные прогнозы на резком росте политической активности особенно среди молодежи и студенчества. При этом они забывают (а скорее всего и не знают), что этот вопрос вовсе не нов. Еще в 1920 году Ленин так писал по этому поводу:

«Во многих странах Западной Европы революционное настроение является теперь, можно сказать, «новинкой» или «редкостью», которой слишком долго, тщетно, нетерпеливо ждали, и, может быть, поэтому так легко уступают настроению. Конечно, без революционного настроения в массах, без условий, способствующих росту такого настроения, революционной тактике не претвориться в действие, но мы в России слишком долгим, тяжелым, кровавым опытом убедились в той истине, что на одном революционном настроении строить революционной тактики нельзя. Тактика должна быть построена на трезвом, строго объективном учете всех классовых сил данного государства (и окружающих его государств и всех государств, в мировом масштабе), а также на учете опыта революционных движений».

А опыт революционных движений нашего века говорит о том, что победу в борьбе за свержение старого строя может обеспечить не стихийный протест мелкобуржуазных слоев, а лишь объединенный, организованный рабочий класс. Что касается мелкой буржуазии, то она может поддерживать пролетариат в его борьбе против капиталистического строя, но не может до конца освободиться от иллюзий «среднего пути». (В их идеале этот путь должен отвергнуть наиболее безобразные черты госмонополистического капитализма, но сохранить милый их сердцу принцип частной собственности).

Именно поэтому мелкобуржуазные элементы обречены на вечное колебание между капитализмом и социализмом. Именно поэтому они не способны возглавить революционное движение против капиталистического строя.

Примером мелкобуржуазных метаний нынешнего «левачества», неспособного на руководящую, организующую роль растущей антикапиталистической оппозиции, может служить подготовка и проведение в Западном Берлине студенческой демонстрации протеста против приезда в город 18 декабря 1964 года Моиса Чомбе. Почти с гордостью Руди Дучке писал по этому поводу:

«Мы не подготовились к демонстрации ни с организационной, ни с технической точек зрения». И далее: «В историческом плане не безынтересно, что Социалистический союз немецких студентов

и Союз свободной немецкой молодежи Западного Берлина¹ провели свою первую совместную встречу для обсуждения этой акции, на которой присутствовали также представители Либерального союза студентов и Союза студентов высшей школы. Ввиду сомнения представителя Либерального союза студентов, высказанного в адрес Союза свободной немецкой молодежи и воспринятого «с пониманием», дело не дошло до принятия совместной листовки, подписанной всеми группами».

Итак, впервые при подготовке конкретной акции протеста «левые» студенты пошли на встречу с Союзом свободной немецкой молодежи. И тут же отказались от единства действий студентов и рабочих.

Единство всех левых сил и их совместное участие в единой акции против ставленника империализма и колониализма Моиса Чомбе для «леваков» не представляется достаточно важным. Они говорят об этом походя, без сожаления. Зато они непомерно возмущаются тем, что «организация» и временное руководство образовались уже в процессе самой акции. Другими словами: «Да здравствует спонтанная организованность!» Особую удачу демонстрации и наивысшую кульминацию ее протеста они видят в том, что студенты забросали автомобиль Чомбе помидорами (в их выражении это звучит особенно гордо: «бомбардировка и террор помидорами»).

«В этой акции, — читаем мы у них, — были спонтанно найдены формы сопротивления, которые лишь гораздо позже стали методами нашей политической борьбы».

Было бы неверным отрицать заслугу и роль студентов, вышедших на демонстрацию против Моиса Чомбе, их решительный оппор этому провокационному визиту в Западный Берлин. Однако столь же неверным было бы концентрировать главное внимание на вопросах, как и чем забрасывать чомбовский автомобиль — перезревшими помидорами или тухлыми яйцами, и при этом не замечать главного: необходимости кропотливой работы по достижению согласованности в единых выступлениях всех оппозиционно настроенных студентов и рабочих. Ведь именно сплоченность и единство внепарламентской оппозиции в выступлениях против правящих кругов Западного Берлина представляет ее основную силу и заставляет противников серьезно считаться с ней. Именно это, а отнюдь не «самовоспитание» в процессе демонстрации и временный характер ее руководства. Призыв к спонтанности есть

¹ Союз свободной немецкой молодежи Западного Берлина — марксистско-ленинская молодежная организация, работающая в тесном сотрудничестве с Социалистической единой партией Западного Берлина.

призыв к стихийности. А стихийность еще никогда не приводила к успеху. Она рождала лишь временные вспышки активности масс, которые без руководящей и организаторской роли рабочего класса и его партии так же быстро потухали, как и вспыхивали. Подтверждением этого явились события во Франции, Западной Германии и Соединенных Штатах Америки в 1968 году. Неверие в революционность рабочего класса, отрицание руководящей роли партии привели к левозкстремистским и оппортунистским выступлениям отдельных студенческих групп. Весьма показательно, что вакханалия анархизма, принявшая особенно драматический характер во Франции, заставила даже Герберта Маркузе отмежеваться от некоторых своих прежних взглядов.

В сентябре 1968 года он заявил: «Я не анархист, потому что не могу представить себе, каким образом можно бороться без всякой организованности против общества, которое в целом организовано и находится в состоянии мобилизационной готовности против любого революционного движения». Однако это высказывание ни в коей мере не означает, что Маркузе имеет в виду «организацию революционных сил» в марксистско-ленинском понимании этого значения. Он просто сделал частичное признание в пользу необходимости организации, ввиду явной дискредитации анархистских выступлений «левых» студентов, ссылавшихся постоянно на идейную приверженность к маркузианству.

Марксистско-ленинская теория противопоставляет стихийному протесту масс организующую волю рабочего класса, возглавляемого партией нового типа. Только боеспособный, революционный авангард, тесно связанный с массами, вооруженный научной теорией, овладевший всеми средствами и формами классовой борьбы, способен привлечь на свою сторону огромные массы мелкобуржуазных и непролетарских трудящихся и вместе с ними совершить социальную революцию и установить власть рабочего класса.

Насилие: самоцель или форма борьбы?

«Насилие — это радость!» — с этим лозунгом Кон-Бендит и его анархистствующие почитатели устраивали погромы в Латинском квартале Парижа в майские дни 1968 года.

Другие представители «левого» студенчества не столь примитивны в изложении своей воинствующей доктрины. Они подобно Дучке пытаются дать «теоретическое» обоснование своему революционизму.

Дучке писал, что книга Маркузе «Критика чистой терпимости» теоретически обосновала недовольство антиавторитарных студентов бесконечными дискуссиями, которые не имеют никаких практических последствий. Недовольные бездейтельностью, «леваки» разработали и обосновали новую стратегию демонстраций, цель которых состояла не только в том, чтобы обратить внимание общественности на политические проблемы и привлечь ее для участия в движении, но в первую очередь в том, чтобы заставить парламентскую демократию открыто проявить свой классовый характер, разоблачить саму себя как диктатуру насилия. Мы уже говорили о том, что «ультралевые» видят стратегический смысл в «нарушении правил игры господствующей системы». Тактика же, по их мнению, должна заключаться в произведении конкретных акций насилия против центральных нервов узлов системы (против парламента, налоговых ведомств, зданий судов, манипуляционных центров, военных и полицейских центров и т. д.). Летом 1967 года и весной 1968 года студенты Западного Берлина и Западной Германии на практике применили эту тактику.

Итак, насилие занимает видное место не только в теоретических концепциях, но и в практических выступлениях левоопозиционного студенчества. Левацкая концепция насилия непосредственно вытекает из анархистской теории стихийности революционного процесса и несет в себе левооппортунистические взгляды о преобладающей роли вооруженных методов борьбы.

У колыбели анархистствующих студентов стоял все тот же дедущка Маркузе. Это он своими рассуждениями об «интегрированности рабочих» воспел революционный пафос «деклассированных элементов» и студентов, тех, кто «потерял надежду» и потому решительно отрицает систему. Маркузе зовет молодых интеллектуалов прорвать «фальшивое сознание», возникшее в массах в результате их интеграции (обуржуазивания). Мы не притягиваем за уши Маркузе к «левакам»-бунтарям. Они сами изъясняются в своей любви к апостолу «униженных» и «отвергнутых». Излагая свои взгляды, идеологи «левачества» прямо ссылаются на слова Маркузе:

«Таким образом, прорыв фальшивого сознания может явиться архимедовской точкой опоры для освобождения в более широком масштабе — и хотя это может произойти в бесконечно малом месте, но от увеличения таких малых мест зависит возможность самого изменения».

Упершись в архимедовскую точку опоры, любезно указанную Гербертом Маркузе, «леваки» действительно пытаются перевернуть весь капиталистический мир. Именно этот прорыв фальшивого сознания начали мы. Контроль и управление индивидуума

ми со стороны системы ставит всю ее структуру под сомнение благодаря нашей политической работе, благодаря нашей просветительской деятельности, благодаря нашим провокациям (1) и массовым акциям». По мнению «ультралевых», их акции представляют «нарастающую угрозу для позднего капитализма, которая станет смертельной», если им удастся разбудить стихийное движение масс, загубленное политическими партиями.

Спровоцировать дремлющие массы «леваки» намерены с помощью демонстраций и прямых акций насилия.

Демонстрация для них — это учебный процесс. Государство, используя свои средства насилия (полицейские дубинки, водометы, травлю в газетах), сбрасывает с себя «маску фокусника» и раскрывает себя как жестокое классовое государство, которое не допускает противодействия себе.

Акции насилия имеют еще и другую цель. Они помогают, по мнению левацких идеологов, преодолеть инертность масс и чувство бессилия каждого отдельного индивидуума по отношению к существующей системе, возникающее в результате отчуждения между производителем и производительными силами:

«Тем, что нам удалось во время столкновений разоблачить скрытую и явную иррациональность системы, террор со стороны институтов и жестокость полиции, мы попытались — так же как и Вьетконг — доказать уязвимость системы». Эти выступления, по мнению идеологов «левачества», помогли преодолеть чувство бессилия и вселили уверенность в то, что в будущем можно «разрушить систему». «Поскольку эти акции изменяют нас внутренне, — заявляют они, — они носят политический характер. Политика без изменения внутреннего ощущения участвующих в ней лиц есть лишь манипуляция элиты». Конкретные акции насилия, по их мнению, должны воспитать новых людей для совершения «перманентной революции». Мы слышим их кредо:

«Также и мы должны стать «новыми людьми» в столкновениях с нашей господствующей системой, должны познать сами себя людьми в наших политических столкновениях и должны работать над осуществлением идеи социального освобождения».

Левацкие лидеры тщатся дать свое толкование революционного процесса. Они не чувствуют себя связанными ни с одной концепцией и пытаются создать свою, оригинальную, которая на поверку оказывается лишь оригинальной мозаикой, сложенной из обрывков старых и новых теорий, от Троцкого и Бакунина до Мао и Маркузе. Противоречивость левацких взглядов поразительна. Они говорят то о «наступлении без насилия», то о «насильственных провокациях». На вопрос журналиста из французской газеты «Комба» об их отношении к насилию представители Социал-

листического союза немецких студентов заявили: «Насилие полицейских — это бессмысленный террор, в то время как наше насилие является обдуманым, служит определенному делу».

Социалистический союз немецких студентов организовал в Западном Берлине коллоквиум, чтобы дать определение нашему насилию: оно направлено против вещей, а не против людей».

Лидеры левооппозиционного студенчества считают, что в высококоразвитых капиталистических государствах не может иметь место революционный террор против людей с помощью оружия. Но в странах, борющихся за свою независимость, этот метод, по их мнению, приемлем. Следовательно, для них вопрос террора — это вопрос местных особенностей и уровня развития отдельной страны.

Однако «ультралевые» не исключают возможности террористических актов и в метрополиях в том случае, если это диктуется особыми условиями. Вот что они заявляют по этому поводу: «В век организованных репрессий и координированного империализма покушение лишь тогда правильно и исполнено смысла, если оно явится прямым исходным пунктом социальной революции, непосредственной вооруженной борьбы против режима».

Идеологи «левачества» солидаризируются со всеми угнетенными на земном шаре, к которым они относят также студентов ФРГ, равно как и американских негров, партизан во Вьетнаме и Южной Америке. По их мнению, расправа со студентами в университетах равносильна «псдавлению американцами вьетнамского народа».

Ориентируя студентов на то, чтобы учиться на примере Фронта национального освобождения Южного Вьетнама и кубинской революции, лидеры «ультралевых» рассматривают крупные города как «джунгли», в которых революционным студентам необходимо «чувствовать себя свободно», так же, как партизанам в Южном Вьетнаме. Следует отметить, что, постоянно сравнивая студенческие демонстрации в Западном Берлине с партизанскими боями, «ультралевые» романтизируют свои действия и впадают в неизбежные преувеличения, что влечет за собой, как правило, неверную оценку положения.

Рассказывая о выступлениях студенчества в связи с визитом в Западный Берлин иранского шаха и убийством студента Бенно Онезорга 2 июня 1967 года, Р. Дучке отмечал их массовый характер, но в то же время недостаточную инициативу студентов, которые не осмелились «превратить свою собственную социальную базу, объединенный в то время университет, в базу борьбы». При этом он делал следующий вывод — урок на будущее: «Мы предоставили противнику инициативу и тем самым пренебрег-

ли первым элементарным правилом, которому мы научились у Мао Цзэ-дуна, у Гевары и у Фанона из «третьего мира».

Здесь мы снова ясно видим не только политические симпатии автора, но и его явное стремление перенести методы вооруженной борьбы национально-освободительных движений на принципиально иную почву студенческого движения протеста в высокоразвитые капиталистические страны. Идеолог студенческого «левачества» не мог не прийти к подобным выводам, исходя из убеждения в авангардной роли студенчества и в силе стихийного движения масс. Для него насилие — самоцель, ибо оно стимулирует рост политической активности масс, разоблачает репрессивный характер государства. Согласно левачьим рецептам акции насилия должны спровоцировать правительство на ответные меры, а это, в свою очередь, должно вызвать дальнейший рост недовольства и протест масс и так далее, до полного накаления атмосферы.

В подтверждение своих рекомендаций левачьи идеологи, например, прямо ссылаются на Че Гевару, который-де считал, что в Латинской Америке «революционеры не всегда должны ждать объективных условий для революций, а они могут своей субъективной деятельностью благодаря вооруженному авангарду народа создавать объективные условия для революции».

Здесь явно виден идеалистический подход «ультралевых» к вопросу о революции, влияние на него теорий о превалирующем значении собственной воли в революционном процессе. По их мнению, исход борьбы в первую очередь зависит не от объективного развития событий, не от созревания объективной революционной ситуации, а от воли радикально настроенного меньшинства. Вот почему так самоуверенны их заявления:

«В историческом плане у нас открытые возможности. В первую очередь от нашей воли зависит, как окончится этот период истории».

Явно преувеличивая значение выступлений студентов и школьников, идеологи «левачества» делают неверные выводы: «В любом уголке Федеративной республики возможны эти выступления в радикальной форме. Это зависит от наших творческих способностей смело и решительно углублять явные и непосредственные противоречия и политизировать массы, решаться на акции, смело и всесторонне развивать инициативу масс... Наша нынешняя неэффективность и пессимизм шли от теории».

Революционизация революционеров — вот решающая предпосылка для революционизации масс».

Подобная концепция, отражающая, кстати, наиболее распространенные взгляды левооппозиционного студенчества Запада,

раскрывает эклектическую сущность «левачества», истоки субъективистской теории насилия в освободительном и революционном процессе. Превалирующее значение собственной воли «критически мыслящих» одиночек логически вытекает из нежелания признать теорию социалистической революции, которая была разработана Лениным в жесткой борьбе как против правых, так и «левых» оппортунистов и была полностью подтверждена революционной практикой международного рабочего класса на протяжении нынешнего столетия.

При разработке революционной стратегии и тактики требуется неременный учет соотношения классовых сил в той или иной стране, учет объективных условий, определяющих наличие революционной ситуации и эффективность тех или иных методов борьбы. Идеологи же современного «левачества» часто с горячностью призывают к повсеместным выступлениям масс, к акциям насилия против «нервных узлов системы», не учитывая реальной обстановки и соотношения политических сил.

Лидеры «левачества» намерены акциями протеста «разбудить пролетариат от его летаргического сна»:

«Благодаря частичным акциям, которые проводятся партией, но обращены ко всему пролетариату, должно быть обострено классовое сознание пролетариата, акция становится средством практическо-критической деятельности партии, готовящейся к борьбе за власть».

Мы видим здесь попытку теоретического обоснования важности и необходимости акции как таковой. И вновь мы становимся свидетелями мелкобуржуазной революционности и идеалистического субъективизма, выражающегося в интеллигентской самоуверенности просвещенной элиты открыть глаза заспавшемуся рабочему и повести его на баррикады. Отнюдь не отрицая важности школы политической борьбы для воспитания классового самосознания пролетариата, нельзя упускать из виду определяющего фактора объективной революционной ситуации в стране как основы для всякого успешного выступления пролетариата. Левацкие элементы игнорировали это решающее обстоятельство во время майско-июньских событий во Франции. Это привело к тому, что рабочий класс не поддержал их ультрареволюционных призывов, хотя «леваки» кричали, что «власть валяется на тротуаре и достаточно нагнуться, чтобы поднять ее».

Отвечая «ультралевым», обвинявшим Коммунистическую партию Франции в «недостатке революционности», Вальдек Роше заявил:

«Вопреки уверениям сторонников левацких тенденций соотношение классовых сил не позволяло включить в повестку дня немедленное установление социалистической власти. Зато можно

было ликвидировать голлистскую власть и установить режим передовой демократии, открывающий путь к социализму. Для осуществления этой вполне реальной возможности недоставало единства рабочих и демократических сил.

Как показал опыт событий 1968 года во Франции, ФРГ, Западном Берлине, ошибочность революционаристских концепций «левачества» состояла в игнорировании реального соотношения классовых сил, в явном преувеличении роли субъективного фактора и недооценке объективных условий, определяющих революционную ситуацию.

И когда нынешние «левые» стремятся демонстрациями и акциями насилия спровоцировать «систему», чтобы революционизировать обстановку, призывают массы к вооруженной борьбе там, где для этого нет условий, крайне важно помнить слова Ленина, сказанные в момент борьбы с «левизной»:

«Основной закон революции, подтвержденный всеми революциями и в частности всеми тремя русскими революциями в XX веке, состоит вот в чем: для революции недостаточно, чтобы эксплуатированные и угнетенные массы осознали невозможность жить по-старому и потребовали изменения; для революции необходимо, чтобы эксплуататоры не могли жить и управлять по-старому. Лишь тогда, когда «низы» не хотят старого и когда «верхи» не могут жить по-старому, лишь тогда революция может победить. Иначе эта истина выражается словами: революция невозможна без общенационального (и эксплуатируемых и эксплуататоров затрагивающего) кризиса. Значит, для революции надо, во-первых, добиться, чтобы большинство рабочих (или во всяком случае большинство сознательных, мыслящих, политически активных рабочих) вполне поняло необходимость переворота и готово было идти на смерть ради него; во-вторых, чтобы правящие классы переживали правительственный кризис, который втягивает в политику даже самые отсталые массы (признак всякой настоящей революции: быстрое удешевление или даже увеличение во сто раз количества способных на политическую борьбу представителей трудящейся и угнетенной массы, доселе апатичной), обессиливает правительство и делает возможным для революционеров быстрое свержение его»¹.

Ленинская теория социалистической революции указывает на наличие разных форм перехода от капитализма к социализму, мирных и немирных. Зависит это от конкретно исторических условий борьбы в той или иной стране. Ленин не раз указывал, что большевики предпочли бы взять власть мирным путем, однако ожесточенное сопротивление эксплуататорских классов заставило

¹ В. И. Ленин, Детская болезнь «левизны» в коммунизме.

рабочий класс России пойти на вооруженное восстание, а затем и на подавление внутренней контрреволюции. В период подъема национально-освободительного движения после 1917 года В. И. Ленин писал: «Без насилия по отношению к насильникам, имеющим в руках оружие и органы власти, нельзя избавить народ от насильников».

С помощью вооруженной борьбы завоевывал свою независимость вьетнамский народ на севере страны и продолжает бороться на юге — против американских агрессоров.

Успешной оказалась вооруженная борьба кубинского народа против антинародного режима Батисты и североамериканского империализма.

Однако было бы ошибкой возводить подобные ситуации в закон обязательности и рассматривать вооруженную борьбу как единственный путь к завоеванию пролетариатом власти. Подобная концепция «левых» оппортунистов не только сужает фронт антиимпериалистической борьбы, но и таит в себе угрозу бесполезного кровопролития.

Ленинская теория социалистической революции предусматривает использование различных форм перехода власти в руки рабочего класса. Одним из важнейших вопросов является вопрос о возможности и необходимости принуждения, а также о его границах. В зависимости от степени сопротивления господствующих классов рабочий класс может применять насилие как одну из форм борьбы за власть. Отказ от насилия перед лицом вооруженной буржуазии был бы равнозначен предательству дела революции. Но для пролетариата насилие никогда не являлось самоцелью. Он применял его лишь в ответ на насилие эксплуататорских классов и только в той мере, в какой это необходимо для подавления сопротивления контрреволюционных сил. Ленин не раз подчеркивал, что методы принуждения и методы убеждения нельзя противопоставлять, каждый из них имеет право на существование в определенных условиях.

«...Без революционного насилия пролетариат не смог бы победить, — говорил Ленин, — но так же не может быть сомнения и в том, что революционное насилие представляло из себя необходимый и законный прием революции лишь в определенных моменты ее развития, лишь при наличии определенных и особых условий, тогда как гораздо более глубоким, постоянным свойством этой революции и условием ее побед являлась и остается организация пролетарских масс, организация трудящихся. Вот в этой организации миллионов трудящихся и заключаются наилучшие условия революции, самый глубокий источник ее побед».

Отличие мелкобуржуазных революционаристов от револю-

ционных марксистов заключается как раз в том, что первые переоценивают роль насилия в революции. Им свойствен субъективизм в оценке событий и преклонение перед фактором собственной воли в революционном процессе.

«Левые» не следят за отливом и приливом революционной волны. Они намерены сами диктовать свои условия не только противнику, но и трудящимся массам. Они полагают, что решающим является их «революционная воля», которая приведет в движение локомотив истории. Нынешний спор с «левыми» по поводу значения собственной воли в революционном процессе, о соотношении объективного и субъективного факторов в революции имеет давнюю предысторию. По существу, это старый спор между материалистическим и идеалистическим пониманием истории общества. Марксизм исходит из того, что «конечных причин всех общественных изменений и политических переворотов надо искать не в головах людей, не в возрастающем понимании ими вечной истины и справедливости, а в изменениях способа производства и обмена; их надо искать не в философии, а в экономике соответствующей эпохи». Так писал Ф. Энгельс в «Анти-Дюринге», резко критикуя идеалистический подход к учению о свободе. Классики марксизма-ленинизма защищали классовую теорию социального действия и социального изменения. Свобода в марксизме понимается как свобода для широких масс, а не для «критически мыслящих одиночек» (как у Дюринга и его поздних исследователей). Еще в «Анти-Дюринге» Энгельс показал, что революционность не может быть абстрактной, в противном случае независимо от личной позиции она объективно превращается в позу. Революция — наука и искусство классовой борьбы, где существуют свои непреложные законы. Марксизм-ленинизм не сводит революционную науку лишь к автоматическому действию этих законов.

Сознательная деятельность людей, которые знают эти законы, умеют ими пользоваться и правильно оценивают реальные социально-экономические процессы, может тормозить или способствовать революционному переустройству общества.

Подчеркивая возможность познания объективных законов революционной борьбы, Ленин писал:

«Искусство политика (и правильное понимание коммунистом своих задач) в том и состоит, чтобы верно учесть условия и момент, когда авангард пролетариата может успешно взять власть, когда он сумеет при этом и после этого получить достаточную поддержку достаточно широких слоев рабочего класса и непролетарских трудящихся масс, когда он сумеет после этого поддерживать, укреплять, расширять свое господство, воспитывая, обучая, привлекая все более и более широкие массы трудящихся».

Это как раз то, чего не хотят понять идеологи современного «левачества». Они своей экстравагантностью объясняются в любви к-ну Дюрингу, который считал насилие основным фактором общественного развития.

Нынешним «левакам» свойственна архиреволюционная бескомпромиссность, полное презрение ко всем компромиссам как выражение их нетерпеливости и нежелания исходить из конкретно исторической обстановки. Вот почему они только за вооруженные методы борьбы, только за баррикады, не желая учитывать реальных возможностей и шансов на победу. Можно по-человечески понять, почему молодежи импонирует героическая натура товарища Че Гевары, революционера, борца, коммуниста, ибо вся его жизнь была целиком отдана борьбе за дело освобождения трудящихся, ибо его личная храбрость, преданность высокому идеалу, революционная цельность его натуры более всего импонируют романтизму молодежи, ее стремлению подражать высоким идеалам, таким, каким была жизнь и смерть товарища Че, современного Овода Латинской Америки. Но тем более прискорбно, когда сознательно пытаются злоупотребить этим чистым юношеским порывом и стремлением к прекрасному революционному идеалу и использовать авторитет и популярность Че Гевары для пропаганды заведомо ошибочных теорий, в которых частное выдается за общее и исключения возводятся в ранг исторических закономерностей. Поступать так — значит злоупотреблять политической неопытностью молодежи, значит бросать студенчество под пули и на штыки «национальной гвардии» буржуазии. Не потому ли последняя сама не прочь сыграть в политические поддавки и подыграть моде, рекламируя портреты и дневники властителей дум революционной молодежи, с тем чтобы в определенный момент спровоцировать взрыв и потопить в море крови неподготовленное и неорганизованное движение.

Давая оценку майских событий 1968 года, член Политбюро ЦКП товарищ Поль Лоран писал:

«Происходит быстрый рост, в частности в Париже, социальных категорий, наиболее восприимчивых к левацкой идеологии. Это сопровождается широкой политической поддержкой буржуазии, которая знает, какую пользу она может извлечь из существования левацких групп. На протяжении многих лет такие газеты, как «Монд», служат рупорами, «усилителями» деятельности левацких групп».

Не многозначительно ли, то обстоятельство, что журнал «Пари-Матч», который является как бы олицетворением печати крупного капитала во Франции, опубликовал обширный и хвалебный репортаж о Руди Дучке, чтобы безудержно восхвалять — как

вы думаете, что? — его действия против магнатов прессы. Это должно было бы помочь открыть глаза на то, что проводилась длительная преднамеренная подготовка. Если проследить реакцию буржуазной печати в тех странах, где проходили студенческие волнения, то бросается в глаза одно и то же обстоятельство: буржуазная пропаганда брала под перекрестный огонь отнюдь не «леваков» с их безудержной рекламой насилия, а коммунистов, которые призывали трудящихся к организованной борьбе против власти монополий.

Практика классовой борьбы неизменно свидетельствует об одной и той же истине: буржуазия опасается не безумного насилия (нередко она даже нуждается в нем для запугивания обывателя гидрой революции), буржуазия страшится организованной борьбы рабочего класса, опирающегося на всесильное учение марксизма-ленинизма.

Мелкобуржуазный революционаризм и революционный марксизм

Мы являемся участниками и свидетелями революционного преобразования мира. На наших глазах свершается исторический процесс всемирного наступления революционных сил современности на империалистическую систему. И в этой гигантской битве, расшатывающей основы капитализма, на сторону авангарда революционного международного рабочего движения встанут новые борцы, новые союзники из среды интеллигенции, служащих и студенчества. Мы уже отмечали, что в условиях современного капитализма подавляющее большинство работников умственного труда (и их резерва из числа студентов) работает по найму и тем самым перемещается в ряды предпролетариата.

В то же время не следует забывать, что значительная часть интеллигенции и студенчества рекрутируется из среды мелкой буржуазии. Именно в силу своего промежуточного (в классовом отношении) положения интеллигенция и студенчество занимают колеблющиеся позиции и легко поддаются влиянию мелкобуржуазной идеологии.

В период обострения идеологической борьбы на мировой арене буржуазия прибегает к самым ухищренным и разносторонним методам пропаганды против рабочего класса. На эту особенность указывал еще В. И. Ленин:

«Чем больше мы побеждаем, тем больше капиталистические

элементы учатся, объединяются и переходят в решительное наступление».

При этом буржуазия использует как прямой, грубый антикоммунизм, так и замаскированные формы идеологического проникновения в различные отряды мирового революционного потока. Одной из активных форм подрывной идеологической деятельности империализма является прямая и косвенная поддержка и пропаганда так называемых средних путей общественного развития, которые-де проходят между капитализмом и социализмом. Подобное явление само по себе отражает ослабление позиций мирового капитализма, который уже не способен открыто защищать свои «достоинства» и вынужден идти на обходные маневры. С другой стороны, пропаганда «средних» путей рассчитана на трудящиеся массы так называемого «третьего мира» и на растущий фронт демократических сил внутри капиталистического мира. К последним относятся также интеллигенция и студенчество, которые все больше отходят от империализма, хотя и не встали еще на социалистические позиции. Понимая неустойчивый и колеблющийся характер интеллигенции и студенчества, буржуазия с помощью своих каналов пропаганды популяризирует те теории и концепции, которые своей «революционностью» импонируют антиимпериалистическим настроениям молодых интеллектуалов и своей непоследовательностью и противоречивостью не представляют опасности для устоев капиталистического мира.

Как известно, из двух зол выбирают наименьшее. И буржуазия выбрала для себя позицию идейного покровительства теориям «среднего» пути, прекрасно понимая, что они уведут вступивших на него в сторону от столбовой дороги мирового революционного процесса и тем самым ослабляют ряды ее противников.

Империалистическая пропаганда переживает в наши дни удивительные метаморфозы. Буржуазия ненавидит социализм и в то же время говорит о его общности с капитализмом. Этой цели служит теория «конвергенции» двух систем, согласно которой социализм и капитализм в процессе своего развития якобы неизбежно сближаются, перенимая друг от друга все «полезное». Хитроумность подобных рассуждений в том, что под них подводятся объективные процессы научно-технической революции и в то же время замалчиваются принципиальные социально-экономические отличия двух систем. Теория эта многоцелевая. Она предназначена для «третьего мира», выбирающего пути своего развития, для сторонников так называемой либерализации в странах социалистического содружества, а также для «внутреннего потребления». Причем в последнем случае она подыгрывает правым оппортунистам, отрицающим классовую борьбу, и распаляет «леваков», исповедующих

бескомпромиссную «революционность». Буржуазия идет здесь как бы от обратного: ненавидя социализм, она демонстрирует в теории «экономическое братание», с тем чтобы создать у политически неискушенных иллюзии идеологического перерождения. Как ни парадоксально, но левоопозиционное студенчество, отвергающее капитализм, само зачастую становится пленником его пропаганды и берет на веру буржуазные теории «конвергенции», «стадий экономического роста» и другие. В конце концов маркузианство с его теорией интеграций рабочего класса в капиталистическую систему — обратная сторона медали с барельефом конвергенции.

Крупный капитал, выступающий ныне в форме государственно-монополистического капитализма, разделяет и подминает под себя мелких предпринимателей. В то же время он заботливо пестует мелкобуржуазную идеологию. Причина этого кажущегося противоречия в том, что монополистический капитал хорошо знает цену мелкобуржуазной революционности, которая, подобно пене вскипающего молока, спадает так же быстро, как и закипает. На собственном многолетнем опыте крупный капитал знает, что его главный и самый непримиримый враг — организованный рабочий класс, вооруженный передовой научной теорией революционного марксизма. В борьбе с ним для буржуазии все средства хороши. В том числе хорошо и «левачество», отражающее мелкобуржуазный революционаризм новых левых сил из числа интеллигенции и студенчества.

Говоря о «левачестве», мы не должны упускать из виду объективный характер его существования на базе пролетаризации мелкобуржуазной прослойки. Буржуазия же, в свою очередь, лишь использует эту реально существующую мелкобуржуазную идеологию. Говоря о «социальных корнях «левачества», член ЦК ФКП Лео Фигер писал:

«Прежде всего мелкобуржуазные слои продолжают существовать и испытывать последствия политики крупного капитала, направленной на их систематическую ликвидацию. Они остаются колеблющимися по природе, но становятся агрессивными по необходимости. Молодые люди, являющиеся выходцами из этих социальных категорий, соприкасаясь с действительностью, пытаются изменить условия своего приобщения к обществу, ставят под вопрос саму организацию этого общества, и это вполне положительное явление. Однако в то же время эти элементы неохотно признают роль рабочего класса в борьбе против «порядка», установленного крупным капиталом. Напротив, они мечтают руководить, командовать рабочим движением, подчинить его себе. Они считают, что интеллигенция, студенты превратились в революционную силу нашего времени, в силу, которая, по крайней мере, своими действиями показы-

вает и открывает путь. Следовательно, необходимо дать правильный лозунг неорганизованным или обманутым рабочим, чтобы увлечь их за собой».

В свое время В. И. Ленин говорил, что студенчество — самая отзывчивая часть интеллигенции. События наших дней с необычайной силой подтверждают эту ленинскую мысль. Действительно, значительная часть студенчества критически настроена по отношению к капиталистическому обществу. Она отвергает его бездушие и несправедливость, забвение им высоких духовных принципов, которые принесены в жертву голому делячеству. Отвергая капитализм, студенчество делает это страстно, движимое чувством отвращения и гнева. Однако нередко здесь эмоциональное начало явно доминирует над рациональным. Страсть же зачастую плохой советчик, когда дело касается хладнокровной выработки стратегии и тактики революционной борьбы. Настроенные решительно покончить с несправедливостью существующего строя, студенческие массы требуют немедленных действий, не интересуясь объективными условиями момента. Всякий призыв к учету реального соотношения сил вызывает недовольство и протест. Так рождается нетерпение. Оно толкает студенческие массы на неподготовленные выступления, на действия в отрыве от рабочего класса, который клеймится как «обуржуазившийся».

Этот противоречивый портрет оппозиционного студенчества мы находим и у его идеолога Руди Дучке:

«Мы как студенты — хотя и в разной степени и зависимости от факультета — занимаем внутри системы общественного воспроизводства с социологической точки зрения промежуточное положение. С одной стороны, в духовном отношении и с точки зрения образованности, мы являемся привилегированной фракцией народа, в настоящий же момент эта привилегия, по существу, означает лишь бесплодие. Бесплодие потому, что формирующийся студент, особенно политически активный, ежедневно критически, а иногда и эмоционально воспринимает идиотизм политиканствующих клик иррациональных авторитарных систем. К этому следует добавить, что эти антиавторитарные студенты еще не заняли материально обеспеченных позиций в обществе, и они еще сравнительно далеки от интересов властей и стремления к постам. Эта временная подрывная позиция студентов порождает диалектическое тождество непосредственных и исторических интересов производителей вообще. Жизненные потребности и заинтересованность в мире, справедливости и освобождении могут поэтому скорее всего материализоваться в этих социалистических группах».

Согласно всем канонам «левачества» Руди Дучке демонстрирует антикапиталистические настроения студенчества и в то же время

пытается обосновать их революционность, поскольку-де они «еще не заняли материально обеспеченных позиций в обществе».

Играя на политической и жизненной неопытности молодежи и ее социальном динамизме, буржуазия использует свои каналы пропаганды для распространения теорий «юношеского авангардизма». Не следует поэтому удивляться, что буржуазная пресса помогает идеологам «левачества» вбивать в молодые горячие головы идею о том, что только они могут обновить «мир сытых и самодовольных». Тем самым вселяют заведомо ложные надежды на стихийный разгром старого мира. Авангардизм ведет к забеганию вперед и к отрыву от основной массы трудящихся. Когда же разрыв становится слишком большим, наступает неизбежный раскол. Усиливаются противоречия «новых левых». Леваки-авангардисты, потерпев поражение, обвиняют в этом основную массу трудящихся, которая их не поддержала. За поражением приходят озлобление, апатия и пассивность.

Так мелкобуржуазный революционизм левооппозиционного студенчества ведет к неизбежному спаду революционной волны. Напрасная растрата сил ослабляет ряды борющихся, стимулирует исторический пессимизм, воспетый Гербертом Маркузе.

В противовес мелкобуржуазному революционаризму марксизм-ленинизм разрабатывает свою теорию и практику, исходя не из эмоционального, а научного восприятия окружающей действительности. В Тезисах ЦК КПСС «К 100-летию со дня рождения В. И. Ленина» говорится: «Для всех марксистов-ленинцев, для всех подлинных революционеров ленинизм — это методология революционного мышления и революционного действия».

Благодаря тому, что коммунисты владеют методом революционного познания и изменения мира, они способны дать исторически верный анализ современного капитализма. Они видят, как благодаря достижениям научно-технической революции госмонополистический капитал может одновременно обеспечивать высокие прибыли для себя и сравнительно высокий жизненный уровень для населения высокоразвитых стран. С помощью этого старого метода, но теперь на социально более широкой базе буржуазия пытается усыпить революционную бдительность рабочего класса и его союзников. И хотя она делает здесь на копейку, но рекламирует свою заботу о социальных нуждах трудящихся на рубль. Ведь не случайно ни одно капиталистическое общество, в том числе и самое богатое в мира — Соединенные Штаты Америки, не смогло разрешить проблему бедности. Несмотря на все разговоры о «трансформации» капитализма, неизменной сохраняется власть крупного капитала и эксплуатация рабочего класса.

Более того, как показывает анализ современного капитализма,

степень эксплуатации пролетариата растет, а основные выгоды от развития науки и техники достаются монополиям.

Вот почему объективно оправданным и обоснованным остается учение марксизма-ленинизма об исторической миссии рабочего класса, призванного совершить социалистическую революцию. Эту задачу он может осуществить, лишь осознав свою роль и возможности, лишь преодолев стихийность рабочего движения, ту самую стихийность, которой потом поют осанну идеологи «левачества».

В Тезисах ЦК КПСС «К 100-летию со дня рождения В. И. Ленина» говорится: «Жизнь убедительно опровергла ходячий тезис буржуазно-реформистских и мелкобуржуазных анархистских теоретиков об «угасании» революционности трудящихся Запада. В классовых боях последних лет рабочий класс империалистических государств продемонстрировал организованность, боевой наступательный дух, готовность к решительным действиям во имя демократических и социалистических идеалов. Он доказал свою способность вести за собой широкие массы в новых условиях глубоких изменений в экономике, социальных отношениях и общественном сознании трудящихся».

Ленинская теория социалистической революции исходит из авангардной роли наиболее революционного класса — пролетариата, который в союзе со всеми трудящимися массами призван заменить капитализм исторически более прогрессивным строем — коммунистическим. Коренная ошибка левацких идеологов заключается в их неверии в революционные возможности рабочего класса на современном этапе.

Ленинская теория социалистической революции исходит из высокой организованности рабочего класса, которая позволяет ему противостоять мощному классовому врагу. «У пролетариата нет иного оружия в борьбе за власть, кроме организации», — отмечал Ленин. Лидеры «левачества» недооценивают этот фактор и воспевают стихийность масс.

Чтобы победить, пролетариату нужна своя политическая партия, объединяющая и организующая рабочих, направляющая на борьбу, руководствующаяся в своей деятельности марксистской революционной теорией. Что касается «ультралевых», то они отрицают «монополию партии на власть» и, как уже отмечалось, выдвигают «теорию активного меньшинства, играющего роль постоянно действующей закваски».

Авангардизм и революционизм левацких лидеров вносит идейную путаницу в студенческие головы и замедляет процесс усвоения научного марксистского мировоззрения, к которому тянется основная масса политически активного студенчества.

Идеологи «левачества» злоупотребляют романтизмом и идеа-

лизмом молодежи, ее нетерпеливостью и боевым задором, навязывая студенчеству идеи «спонтанной революции». Для марксистов-ленинцев не являются неожиданными взрывы студенческого недовольства против капиталистического строя. Со времен «Манифеста Коммунистической партии» они приветствуют этот процесс: «Коммунисты повсюду поддерживают всякое революционное движение, направленное против существующего строя».

Однако они всегда выступают против игры в революцию. Коммунисты помнят ленинскую мысль о том, что «революция мудрая, трудная и сложная наука».

Эта наука требует самого тщательного учета соотношения классовых сил в конкретный исторический момент для выработки наиболее верной революционной тактики. В. И. Ленин не раз предупреждал против злоупотребления революционной фразой, против пренебрежения тщательной организационной работой, которая подчас решает весь успех дела. Ленин писал: «Настоящие революционеры на этом больше всего ломали себе шею, когда начинали писать «революцию» с большой буквы, возводить «революцию» в нечто почти божественное, терять голову, терять способность самым хладнокровным и трезвым образом соображать, взвешивать, проверять, в какой момент, при каких обстоятельствах, в какой области действия надо уметь действовать по-революционному и в какой момент, при каких обстоятельствах и в какой области действия надо уметь прийти к действию реформистскому».

Так писал Ленин, величайший революционер нашей эпохи, великий теоретик и практик революции. Его указания о необходимости трезвого учета соотношения классовых сил, твердости в достижении намеченной цели, гибкости в поисках подходящих форм борьбы выдержали испытание и проверку временем.

Международное рабочее и коммунистическое движение хранит и умножает революционное наследие классиков марксизма-ленинизма. Это означает также непримиримую борьбу против ревизии этого учения как справа, так и слева.

Мы уже отмечали, что в последние годы наблюдается глубокое обострение классовых противоречий в период госмонополистического капитализма. Вследствие этого идеи социализма завоевывают все больше союзников среди выходцев из мелкобуржуазных слоев, из среды интеллигенции и студенчества. Пополняя ряды наемных трудящихся, они расширяют базу рабочего класса, включаются в его борьбу. Вместе с собой они несут не только политическую активность, но и свойственную им противоречивость в политических взглядах, мелкобуржуазные иллюзии и нетерпеливость. Отсюда бунтарские настроения и левацкий экстремизм, особенно характерные для студенческой среды. Это порождает неизбежные противоречия

и разногласия. В первую очередь среди околопролетарских революционных слоев.

Давая оценку этому явлению, надо отметить, однако, что оно является периодическим искушением рабочего движения, особенно в период его роста и подъема. Эту особенность отмечал в свое время В. И. Ленин:

«Одной из наиболее глубоких причин, порождающих периодически разногласия насчет тактики, является сам факт роста рабочего движения. Если не мерить этого движения по мерке какого-нибудь фантастического идеала, а рассматривать его как практическое движение обыкновенных людей, то станет ясным, что привлечение новых «рекрутов», стягивание новых слоев трудящейся массы неизбежно должно сопровождаться шатаниями в области теории и тактики, повторением старых ошибок, временным возвратом к устаревшим приемам и т. д. На «обучение» рекрутов рабочее движение каждой страны тратит периодически большие или меньшие запасы энергии, внимания, времени».

Это ленинское положение сохраняет свою актуальность и в наше время. Оно не только объясняет одну из причин рецидива «левацких» настроений, но и указывает на необходимость последовательного и тщательного «обучения» революционному марксизму тех «рекрутов», тех союзников пролетариата, которые подпали под влияние мелкобуржуазного революционизма.

Нынешнее «левачество» в студенческой среде — недуг не смертельный. Оно следствие и свидетельство революционных настроений среди «новых левых», явный результат победного шествия идей социализма, доказательство дальнейшего крушения буржуазных устоев, и в том числе буржуазной идеологии. Конечно, этот недуг временно ослабляет организм. В том-то и состоит задача здоровых сил в демократическом движении (а коммунисты всегда составляли его ядро и боевую основу), чтобы вовремя обнаружить симптомы заболевания и правильным диагнозом, правильным советом (а если необходимо, и беспощадной критикой вредного знахарства и скороспелых рецептов) помочь лечению болезни. Вот где уместно вспомнить, что во всякой болезни нет ничего опаснее «неапробированных формул», за которые столь ревностно выступают идеологи «левачества». В этих условиях отказ от проверенных, оправдавших себя средств есть отказ от научного подхода к явлению, призыв к знахарству и, как неизбежное следствие, пренебрежительное отношение к широким массам, которые в глазах левацких лидеров низводятся до уровня подопытных кроликов.

Критикуя левацкие ошибки и непоследовательность левоопозиционного студенчества, коммунисты в то же время делают различие между заблуждающимися студенческими и молодежными мас-

сами и неисправимой левацкой закоренелостью отдельных лидеров и идеологов. И в этом отношении актуальными остаются ленинские слова:

«Одно дело — сбивающие пролетариат с толку взрослые люди, претендующие на то, чтобы вести и учить других. С ними необходима беспощадная борьба. Другое дело — организации молодежи, которые открыто заявляют, что они еще учатся, что их основное дело — готовить работников социалистических партий.

Таким людям надо всячески помогать, относясь как можно терпеливее к их ошибкам, стараясь исправить их постепенно и путем преимущественного убеждения, а не борьбы. Нередко бывает, что представители поколения пожилых и старых не умеют подойти, как следует, к молодежи, которая по необходимости вынуждена приближаться к социализму иначе, не тем путем, не в той форме, не в той обстановке, как ее отцы».

Основная масса студенческой молодежи, выступающей против капиталистических порядков, объективно является союзником пролетариата. Только в союзе с рабочим классом она может добиться победы. В борьбе с «левачеством», которое пытается подорвать союз рабочего класса и молодой интеллигенции, коммунисты помнят и применяют на практике ленинскую мысль о том, что только поддержка народа, и главным образом рабочих, может обеспечить успех студенческого движения.

Большое значение для выработки развернутой программы работы коммунистов среди молодежи и студенчества имело международное Совещание коммунистических и рабочих партий в Москве в июне 1969 года. Многие руководители коммунистических и рабочих партий Запада отметили в своих выступлениях активизацию молодежного и студенческого движения, которое свидетельствует о нарастании оппозиционных настроений внутри капиталистического общества. Нынешние студенческие волнения в капиталистических странах — несомненный предвестник нарастающих глубоких социальных преобразований. Объективный исторический процесс неизбежно приводит интеллигенцию и ее молодое пополнение, несмотря на все левацкие шатания, в ряды союзников рабочего класса, последовательного борца за социалистическое преобразование мира.

* * *

Критерий истины — практика. Любая теория общественного развития проходит суровую проверку жизнью и временем. Истинность марксистско-ленинского учения проверена практикой миллионов. Она нашла свое отражение и подтверждение в развитии ми-

ровой истории XX века. Человеческое общество живет и развивается по законам, открытым и обоснованным классиками марксизма-ленинизма. И в этом мы видим истинность и всемогущество марксизма-ленинизма, революционный характер которого наложил неизгладимый отпечаток на всю нашу эпоху и разделил весь мир на сторонников и противников этого учения. Маркс и Ленин совершили подвиг революционного мышления и действия. Они выкристаллизовали ядро истины революционного познания и изменения мира. Международное коммунистическое и рабочее движение наследовало от своих учителей высокое и трудное право на обладание истиной учения о развитии общества. При этом оно рассматривает это учение не как неизменную и абсолютную величину, а как методологию революционного мышления и революционного действия.

Наивными и беспомощными в этом свете выглядят попытки идеологов «неомарксизма» улучшить учение, действенность которого оправдывает себя на протяжении многих десятилетий. «Ультралевые» идеологи в своих теоретических потугах «улучшить» марксизм-ленинизм и быть большими революционерами, чем сами основоположники учения о революции, неизбежно впадают в экстремизм. Самой историей, неизменно подтверждающей правоту и действенность революционного марксизма, они обречены на бесперспективность своих изысканий левее истины.

СОДЕРЖАНИЕ

Капитализм и молодежь

Молодежь и общество	5
Возрастные особенности молодежи	11
Социальная активность молодежи	15
Научно-техническая революция и студенчество . . .	19
Капитализм и кризис высшей школы	24
Маркузианство — троянский конь буржуазии . . .	28
Биография	30
Студенческие «бунты» в странах капитала	34
Студенческие волнения в ФРГ и Западном Берлине .	37
Взрыв студенческого недовольства во Франции . .	48

Марксизм-ленинизм и «левачество»

Об идейном родстве	56
Авангард революционного движения: студенты или рабочие?	59
Социальная утопия или реальный социализм? . . .	70
Стихийный протест или организованная борьба? . .	81
Насилие: самоцель или форма борьбы?	90
Мелкобуржуазный революционаризм и революцион- ный марксизм	100

Ломейко Владимир Борисович

ЛЕВБЕЕ ИСТИНЫ, М., «Молодая гвардия»,
1970. Библиотечка «Молодежь, революция, про-
гресс»
112 стр.

ЗҚМ

Редактор *Я. Киселев*
Оформление *Вс. Медведева*
Худож. редактор *Н. Коробейников*
Техн. редактор *Н. Михайловская*
Корректоры *Н. Павлова, К. Пипикова*

Сдано в набор 6/VII 1970 г. Подписано к пе-
чати 3/XII 1970 г. А00766. Формат 84×108¹/₃₂. Бу-
мага № 3. Печ. л. 3,5 (усл. 5,88). Уч.-изд. л. 7,1.
Тираж 69 000 экз. Цена 21 коп. Т. П. 1970 г.
№ 153. Заказ 1331.

Типография изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая
гвардия». Москва, А-30, Сушчевская, 21.

21 коп.

**МОЛОДАЯ
ГВАРДИЯ**